Возвращение ангелов

Автор:
Мара Вульф

Возвращение ангелов

Мара Вульф

Ангельская сага #1

Мы считали их святыми.

Но они оказались монстрами.

И принесли на своих крыльях смерть…

Ангелы спустились на землю. Посланники небес коварны, жестоки и не ведают пощады. Пока они пируют в замках, парящих над разрушенной Венецией, люди умирают от голода и болезней. Мун – одна из тех, кто открыто противостоит крылатым серафимам, сражаясь с ними на арене.

Волею судеб девушка помогает выжить одному из них. Оберегая падшего серафима, Мун сильно рискует. Она должна помнить, с кем имеет дело. Ведь ангелы способны лишь убивать…

Мара Вульф

Возвращение ангелов

Для моей матери,

которая брала меня с собой в библиотеку, когда мне было пять. Там я часами сидела на сером войлочном коврике и смотрела на книжки, мечтая научиться читать.

Пролог

Когда ангелы пришли в наш мир, люди радовались. Они были счастливы и верили в обещания об отпущении всех грехов. Но ангелы и не думали нам ничего отпускать: вместо этого они изолировали Венецию от остального мира и вернули нас в Средневековье. Тогда мне было десять.

Не знаю, что произошло с остальным миром, но подозреваю, что примерно то же самое. Я никогда этого не узнаю. Самолеты, телевизоры, телефоны – всего этого больше не существует.

Первые три года своего правления ангелы ожесточенно сражались с нами. В их понимании мы являлись ошибкой Божьего мироздания, были недостойны жить на земле. Мы не такие сильные, как они, не такие умные и определенно не такие красивые. Мы не умеем летать, и Господь никогда не общался с нами с глазу на глаз. Поэтому они считают, что мы – ошибка природы. Бесчисленное количество людей погибло на улицах Венеции после Вторжения. Вода каналов окрасилась в красный цвет от крови погибших. Мои родители не пускали нас с сестрой и братом за порог дома.

Мы прятались в библиотеке Марчиана[1 - Национальная библиотека св. Марка (Marciana) – крупнейшая библиотека Венеции. Ее собрание насчитывает около 13 000 рукописей, 2883 первопечатные книги и 24 055 книг XVI в.], располагающейся напротив собора Сан-Марко[2 - Собор Святого Марка, или собор Сан-Марко (итал. Basilica di San Marco) – кафедральный собор Венеции. Располагается на площади Святого Марка, рядом с Дворцом дожей.]. Сквозь окна мы могли наблюдать за тем, как ангелы разрушают купола собора и создают арену внутри него. С тех пор людей больше не убивали на улицах – теперь с ними расправлялись на священной земле ради развлечения ангелов и людей, которые слишком быстро простили Божественной армии ее грехи.

Архангел Габриэль[3 - В иудаизме Габриэль один из четырех архангелов (Габриэль, Михаэль, Уриэль и Рафаэль), стоящих по четырем сторонам престола Бога и исполняющих обязанности стражей на четырех концах мира. Он играет роль ангела смерти.] убил нашего отца, когда тот попросил его относиться к людям более милостиво. К тому времени многие из его друзей уже погибли на арене. Ученые, художники, врачи. Женщины и мужчины, которые не имели ни единого шанса против воинственных ангелов. Подручные Габриэля выгнали отца из Дворца дожей[4 - Дворец дожей (итал. Palazzo Ducale) в Венеции – одна из главных достопримечательностей города. Это главное здание Венеции было прежде всего резиденцией дожей республики. Во дворце заседали Большой совет и Сенат, работал Верховный суд и вершила свои дела тайная полиция. На первом этаже размещались также конторы юристов, канцелярия, службы цензоров и морское ведомство.] и неслись за ним по переулкам Венеции, пока не убили. Всю свою жизнь он посвятил изучению жизни ангелов, он был одержим ими. Но ангелов не интересовали разговоры. Мне было тринадцать, когда он погиб.

После смерти отца мать начала обучать меня бою на мечах. В одной из комнат библиотеки она давала мне уроки, чтобы я могла сражаться с ангелами и защищать сестру и брата. Она была безжалостна. Ей было плевать, что мои мышцы болели, что я устала и просила ее отпустить меня поесть или попить. Она не разрешала мне уйти, пока я не заканчивала свои ежедневные упражнения. Она заставляла меня прыгать по всем комнатам и всем лестницам библиотеки на одной ноге. Мать привязывала мою правую руку к спине и приказывала мне целыми неделями так ходить, чтобы я научилась владеть левой рукой так же хорошо, как и правой. Она отправляла меня плавать по Гранд-каналу[5 - Гранд-канал – главная водная транспортная артерия города.] посреди ночи в полнолуние. Она тренировала меня до тех пор, пока я не победила ее и не приставила меч к ее горлу. В ту же ночь она исчезла, не оставив нам ничего, кроме письма, в котором приказала мне защищать брата и сестру ценой собственной жизни.

Это было на следующий день после моего пятнадцатого дня рождения.

С тех пор прошло три года. И вот уже три года я раз в неделю сражаюсь с ангелами на арене.

Я все еще жива – и это не более, чем чудо.

Глава I

Рев толпы проникает в атриум собора Сан-Марко, где я ожидаю начала битвы. Мое сердце бьется громко и размеренно. Я пытаюсь сконцентрироваться на обнадеживающем сердцебиении и забыть обо всем прочем. Но сегодня мне это не очень-то хорошо удается.

Я слышу пение и лязг мечей по ту сторону ворот, и мне кажется, что я чувствую запах крови людей, которых в этот момент покидает жизнь. Ангелы устраивают игры – так они называют жуткие битвы – ежедневно. Это отвлекает людей от мысли о том, кто виноват в их несчастьях. В то же время это демонстрирует человечеству божественное превосходство ангелов. Наверное, они смеялись до слез, когда впервые вошли в крупнейший собор Венеции и увидели мозаики и позолоту, которыми мы, люди, украшали своды для того, чтобы отдать дань уважения нашему Создателю. Все эти детские картинки ангелов, которые совсем не передавали красоту и стать этих невероятных существ. Сегодня от некогда тщательно продуманных украшений остались лишь тени, потому что ангелам было наплевать на наши молитвы. Они уничтожили купола гигантской базилики и большую часть внутренних стен. Целыми днями мы слушали гром и шум строительных работ: стены превратились в руины, были возведены ряды зрительских мест, которые, казалось, парили в воздухе. С каждого места открывался прекрасный вид на внутреннюю часть собора и на битву.

Когда ворота открываются, меня ослепляет солнечный цвет. Убитых и раненых выносят с арены. Я участвую в сражениях уже третий год подряд, и до некоторых пор мне чертовски везло. Хотя я прекрасно понимаю, что всякая удача когда-то закончится. Я видела слишком много смертей, чтобы строить какие-то иллюзии по этому поводу. Я поднимаю голову и смотрю на солнце в надежде, что его лучи согреют меня. Затем я покрепче сжимаю в руках щит и меч. Барабанная дробь и фанфары сотрясают воздух, и страх раскаленным свинцом поражает мои вены. Так происходит каждый раз, хотя кому-то может показаться, что мне уже нужно было привыкнуть к этому после стольких битв, из которых я вышла победительницей. Я пытаюсь не выпускать свой страх наружу. Он убьет меня быстрее, чем меч ангела.

Сегодня я умру. Эта мысль нападает на меня, заставляя колебаться. Я чувствую это каждой клеточкой своего тела. Сегодня я видела свой последний рассвет.

Сегодня я последний раз в своей жизни ела липкую кашу, которую всегда готовлю своей сестре-близняшке Стар и младшему брату Тициану на завтрак. Без меда, который наша мать в далеком прошлом в нее добавляла, по вкусу каша казалась похожей на старую бумагу. Сейчас бы я, правда, отдала все на свете, чтобы снова пожевать ее завтра. Мой живот урчит от голода, потому что с утра мне с трудом удалось съесть одну-единственную ложку. Алессио берет меня за руку. Мой лучший друг беспокойно смотрит на меня своими умными темно-серыми глазами. Каждый раз он настаивает на том, чтобы сопроводить меня на битву, и я радуюсь тому, что не одинока в такие моменты. Он единственный человек, которому я безгранично доверяю. Я даже подарила ему свою девственность: мне не хотелось, чтобы какой-то подлый ублюдок обесчестил меня ночью на улице. Или ангел. Если верить слухам, они не очень брезгливы, когда хотят получить что-то подобное от людей. Сначала Алессио сопротивлялся, но не смог пойти против моих убедительных аргументов. Я бы умоляла его, если бы это было необходимо. Это не было событием, которое мне бы хотелось пережить вновь, но все прошло абсолютно нормально, хотя я и радовалась, что все закончилось. Мы больше никогда об этом не говорили, но иногда он странно на меня смотрит и пытается чему-то учить, словно я стала его собственностью после того, что между нами произошло.

Мы живем в тяжелые времена. Я не могу упрекать его в этом. Он всего лишь хочет меня защитить.

– Не ведись на провокации, – тихо говорит он. – Они все делают специально: пытаются разозлить тебя, чтобы ты забыла о защите.

В прошлый раз мой противник чуть меня не убил. Ангелы не знали жалости. Мой страх при мысли об этом превращается в гнев. Я ненавижу эти битвы, но они помогают обуздать злость. Правда, я часто становлюсь невнимательной и пересекаю границы, которые не должна пересекать. Когда-нибудь мне придется за это поплатиться.

Я расправляю плечи, когда человек, стоящий передо мной, делает первый шаг в сторону арены. Алессио неохотно отпускает мою руку. Он не хочет, чтобы я сражалась. Но его зарплаты врача не хватает на то, чтобы обеспечить продуктами и самым необходимым нас четверых. Кроме того, у меня есть своя цель. Я хочу помочь сестре и брату сбежать. Чтобы они попали туда, где спокойнее, где нет ангелов, постоянно парящих над ними. Никто и ничто не заставит меня отступиться от этой цели: ни Алессио, ни ангелы – только смерть.

Я слышу звук наших шагов, когда мы выходим на арену. Некогда мраморный пол теперь покрыт толстым слоем песка. Мы занимаем исходные позиции, и мой взгляд устремляется в сторону гигантской трибуны и лож ангелов. Цветы обвивают колонны, подпирающие деревянные подмостки, и окутывают ангелов запахом роз, жасмина и лаванды. Я знаю, что там наверху столы ломятся под весом разных вкусностей. Мой живот урчит, а ангелы игнорируют фрукты, белый хлеб, мед и вино. Так и сидят они, небесные сыновья Господа, окутанные сверкающим светом. Они так красивы, что можно ослепнуть от их чистой кожи, идеальных лиц, мудрых глаз и блестящих крыльев. Когда я смотрю на них, мне становится плохо. Их великолепие больше не сбивает меня с толку. Их красота – лишь маска, скрывающая истинную сущность: они высокомерны, тщеславны, надменны и самодовольны. Мы для них – пыль под сапогами. Они уничтожили нашу цивилизацию и играют с нами в кошки-мышки. Они чувствуют свое превосходство над нами только потому, что у них есть крылья и они встречались с Богом лицом к лицу.

Единственная причина их пребывания на земле – поиски девятнадцати ключей[6 - Енохианский язык – это язык, созданный алхимиком и астрологом Джоном Ди и медиумом, мистиком и алхимиком Эдвардом Келли для магических целей в ходе спиритических сеансов в конце XVI в. в Англии. Назван в честь библейского патриарха Еноха, который, по преданиям, «ходил с Богом». Ди и Келли заявляли, что языку научили их Ангелы, что он древне?е, чем санскрит, и что он обладает огромной магической силой, способной колебать пространство-время. Ими же было создано 19 енохианских ключей – гимнов сатанинской веры, записанных на этом языке.]. Они одержимы ими, и, я уверена, их очень злит, что они так сильно нуждаются в людях. По крайней мере, в некоторых из нас. Но я не позволю им воспользоваться Стар для достижения своих глупых целей и вернуться в рай. Они сами виноваты в том, что врата рая закрыты уже много тысяч лет.

Я знаю эту историю с самого детства. Отец много раз рассказывал мне о том, как архангел Рафаэль закрыл ворота в рай, потому что решил наказать Люцифера за его непослушание. Он бросил принца ада в пустыне Дудаэль и случайно закрыл ворота в Сад Эдема. Для того чтобы снова их открыть, ангелам нужно было найти девятнадцать девушек. Девятнадцать ключей, которые должны были открыть ворота. Десять тысяч лет длилось наказание Люцифера, и, после того как он отбыл его, ангелы спустились на землю с целью найти этих девушек. Вот уже восемь лет они ищут их. Мы знаем только то, что это восемнадцатилетние девушки, которые должны пройти так называемое испытание ключей. Еще нам известно, что многие из них погибают в ходе испытания. Ангелы ищут их по

всему миру. В Венецию охотники за ключами прибывают осенью. Поэтому так важно устроить побег Стар и Тициана. Причем как можно скорее. Нам с сестрой исполнилось восемнадцать этой весной. Время поджимает. Мне всегда было интересно, почему им так хочется вернуться в рай. Будто у них нет всего, что им нужно, в их семи небесных дворах. Со дня Вторжения ангельские замки парят над нами в облаках.

Их дворы простираются в воздушных высотах до самого горизонта. Каждый замок светится своим цветом. Замок Габриэля, так называемый первый небесный двор, сияет нефритово-зеленым, пятый небесный двор Люцифера искрится, как красный альмандин[7 - Альмандин – твердая и самая распространенная разновидность красных или красно-фиолетовых гранатов. Цвет альмандинов может быть вишневым, малиновым, фиолетовым и буро-красным.] – или как кровь его жертв. Снизу хорошо видно скопление башен, куполов и мостов, возвышающихся над стенами замков. На стеклянных крепостях развеваются флаги, и иногда люди даже слышат фанфары или музыку. По сравнению с великолепием, скрытым за яркими стенами, все в человеческом мире, должно быть, казалось ангелам очень бедным. Замки, возможно, очень красивы при свете дня, но ночью они становятся еще прекраснее. Тогда стеклянные стены покрываются невероятными узорами и завитками. Они сияют в ночном небе цветами небесных дворов. В темноте куда проще разглядеть дороги, соединяющие замки друг с другом. Небо в это время будто наполняется мерцанием, которое приглашает присоединиться к этому празднику. Звезды окружают переливающиеся замки. Тысячи ангелов наблюдают за ходом звезд, чтобы те вставали и садились в назначенное время. Они охраняют палаты, в которых прячутся ветра, град, снег, мороз, туманы, росы и дожди. Они следят за жизнью вселенной, и мне так хотелось бы, чтобы они так и занимались этим следующие десять тысяч лет. Но они не хотят этого. Они слишком жадные. Ангелы хотят то, чего совсем не заслуживают. Если эти кровожадные существа найдут все девятнадцать ключей, они откроют врата рая, и тогда начнется Апокалипсис. Они уже однажды изгнали людей из рая и никогда не пустят нас туда. Ангелы нуждаются в людях, и это злит их больше всего на свете. Я ни на секунду не поверю в то, что они планируют впустить нас в Сад Эдема. Но многие люди почему-то на это надеются. Но они точно не получат Стар. Она не пойдет на испытание ключей, я позабочусь об этом. Даже если это будет последним, что я сделаю в своей жизни.

Я снова концентрируюсь на предстоящей битве и замечаю Серафиэля на трибуне. Я не знаю, кто решает, с каким ангелом мы, люди, должны бороться. Может быть, они вызываются добровольно, может быть, архангелы решают за

них. Это не столь важно. В любом случае верховный серафим не так часто спускается на землю, чтобы поприсутствовать на битве. Крошечные огоньки сияют по краям его восьми крыльев. Церковь веками рассказывала людям о том, что ангелы – безгрешные святые существа, которым Бог приказал защищать нас от лукавого. То ли я что-то не так поняла, то ли церковь… Но защита выглядит иначе. К счастью, я знаю почти все о существах, которые поставили перед собой задачу стереть людей с лица земли. Ведь это их главная цель. Они хотят уничтожить нас навсегда. Они жаждут Апокалипсиса. Архангелы ненавидят нас, будто мы чума. И все потому, что когда-то мы поддались искушению Люцифера. Потому что земные женщины много лет рожали ему и его двумстам верным приспешникам детей. Потому что рай закрылся после второй небесной войны, а люди и ангелы были изгнаны из него.

Я сразу узнаю большинство ангелов: Абиэль, стражник четвертого небесного двора, Хабриэль, предположительно высушивший землю после потопа, Зидкиэль, регент престола. Мой взгляд падает на тень, окружающую чью-то высокую фигуру, и я спотыкаюсь. Восемь лет я надеялась, что он не посетит наш город, что он пощадит нас, но теперь он стоит там и безжалостно смотрит сверху вниз. Я чувствую, как по моей шее пробегают мурашки, когда его тень подсвечивается. Капли пота стекают по моему лбу, и я не знаю, как мне дальше идти. Я ненавижу Рафаэля, красивейшего из архангелов, его серебряные глаза и волосы, темные, как ночь. У него широкие плечи и узкая талия. Когда он расправляет свои крылья, перья сияют жемчужно-белым с золотистым отблеском. Он двигается с небрежной элегантностью и силой, которую нельзя не заметить. Он напоминает хищника на охоте; чаще всего он преследует людей, питаясь их страхами.

Есть лишь один ангел, который пугает меня еще больше, и это Люцифер, дьявол собственной персоной. Люцифер, сидящий рядом с Рафаэлем, словно в этом мире нет ничего более логичного. Люцифер, который беспрепятственно общается с тем самым архангелом, который десять лет назад сковал его цепями и похоронил заживо. Они болтают, будто люди внизу совсем не собираются умирать. Эта хладнокровность в очередной раз дает мне понять, насколько опасны эти существа. Я сухо смеюсь про себя, хотя мое сердце бьется где-то в глотке. Слово «опасный» почти не описывает Люцифера. Он зло во плоти, тьма, ужас, пропасть и смерть. Его безжалостность легендарна. Одна его аура заставляет людей дрожать от страха. Я бы с радостью забыла все лекции моего отца об ангелах, но знания въелись в мой разум. Люцифер, принц ада и повелитель Пятого, кроваво-красного небесного двора, спустился к людям, чтобы уничтожить их.

Я с трудом подавляю дрожь, охватившую мое тело. Я бы предпочла уйти, покинуть арену и сбежать домой. Я хочу схватить своих сестру и брата и покинуть город. Но если сделаю это, я точно умру. У края арены стоят лучники, стреляющие в каждого, кто решится на побег. Поэтому я остаюсь на месте и пытаюсь собрать свою волю в кулак. Люцифер никогда не появлялся на арене. Он никогда не посещал бои. Мои ладони стали холодными и скользкими от пота. Я больше не могу держать меч должным образом и хочу вытереть руки о ткань брюк, но для этого мне придется отложить его или щит. Но об этом и речи быть не может. Шум трибун теперь отзывается в моих ушах тихим шорохом. Зрители кричат, требуя начала битвы. Они что, не видят Люцифера? Они не знают, что означает его присутствие? Мне так противно их поведение. С большим усилием я отвожу от него взгляд, заставляя себя сконцентрироваться на предстоящей битве. Я сжимаю в руках щит и меч, когда чья-то тень нависает надо мной. Небо потемнело, и я совершенно спокойна. Удары их крыльев звучат как-то мягко по сравнению с силой, которая скрыта внутри. Ангел может убить человека одним взмахом крыльев. Я видела это не раз. Они с распростертыми крыльями кружатся над нами, и я чувствую ветер на своей коже. По крайней мере, он высушит мой пот. Ангелы выбирают себе жертву. Чем дольше они кружатся, тем беспокойнее становятся бойцы. Зрители выкрикивают имена, приветствуя своих фаворитов. Иногда это имена ангелов, иногда людей. Время от времени я слышу и свое имя.

Я упираюсь ногами в песок, и ангелы наконец приземляются. Мне нельзя падать, нельзя опускаться на колени. Песок попадает мне в глаза, и я поднимаю свой щит вверх. Звучат фанфары, объявляющие начало битвы. Передо мной встает ангел, его красные волосы доходят до плеч, а крылья сияют дымчато-серым цветом. Его полные губы искривились в улыбке. Это ангел пятого небесного двора, один из приспешников Люцифера, о чем свидетельствует татуировка на его груди: пентаграмма, одна из вершин которой смотрит вниз. Это символ Божьего наказания, ссылки, в которую он отправил своих падших сыновей. От напряжения я не могу дышать. Падшие ангелы, по слухам, безжалостнее остальных. Люцифер, значит, прибыл не один, а со своими прихвостнями. Неужели ада, воцарившегося на земле, недостаточно и принц собственной персоной решил усугубить ситуацию?

Я гоню мрачные мысли прочь. Ангел преследует меня, улыбаясь. Наверное, он думает, что я легкая жертва, потому что я девушка. Все они так ошибаются. Лезвия наших мечей со звоном находят друг на друга, и его брови удивленно взмывают вверх, когда я умело отражаю его удар. Он озорно смеется, и, если бы

он не был ангелом, этот смех мог бы казаться заразительным. Но я игнорирую его и продолжаю атаковать. Наши мечи сливаются в чувственном танце, пот стекает по моему лбу и застилает глаза, но я не моргаю. Здесь каждая секунда может стать решающей, и если я хоть на мгновение отвлекусь, все закончится. Я пытаюсь отмахнуться от своего оппонента, стараюсь пригнуться, когда он нападает, и хожу кругами вокруг него, пока мне позволяет пространство. Ангел намного крупнее и сильнее меня, и он с легкостью справляется с моей скоростью. Люди, сражающиеся позади, расступаются, оставляя нам больше места для битвы. Мы кружим мимо колонн и руин, в которые превратились стены. Краем глаза я замечаю, как лезвие другого ангела пронзает горло мужчины, словно какой-то клочок бумаги. Он падает на землю безжизненной куклой. Зрители на трибунах ликуют, и мой противник ухмыляется так, будто он знает, что меня ожидает та же судьба. Возможно, он прав.

Мои силы на исходе, и он знает это. Каждый день на арене проходит семь раундов битв. Каждый день, кроме воскресенья – дня Творца. Игры должны отвлечь людей от их жалкого существования и развлечь их. Пока они сыты и довольны, они не восстают ни против Нерона де Луки, председателя Консилио – Совета десяти[8 - Совет десяти (итал. Consiglio dei Dieci) – орган Венецианской республики, основанный указом Большого совета в июне 1310 г. после заговора Кверини – Тьеполо против дожа Градениго. В функции Совета десяти, первоначально созданного как временный, входил надзор за сосланными заговорщиками. Совет десяти занимался только охраной политической и социальной структуры венецианской Коммуны.], ни против гнета ангелов. Этот совет был создан уже в Древнем Риме, и, хотя с тех пор прошло больше двух тысяч лет, стратегия императора Нерона все еще на руку его тезке. Мы, люди, ничему не научились.

Каждый раунд длится двадцать минут – не так уж и долго, – но я уже давно потеряла чувство времени.

Я отражаю удары ангела, моя рука становится все тяжелее. Противник силен и вынослив. Моя ловкость мало помогает мне в этой борьбе, я только расходую силы. Мне недолго удастся удерживать щит. Он только и ждет этого момента. Я шатаюсь, чувствуя сильный удар, и падаю на колени. Воздух покидает мою грудь. Противник вот-вот раздробит мой череп, и моя кровь окрасит песок в красный цвет и, надеюсь, так сильно запачкает его брюки, что ему придется их выбросить. Я издаю тихий стон. Мой черный юмор тут совсем не к месту. Что будет со Стар, если я не вернусь? Что станет с Тицианом и Алессио? Надо было

лучше к этому подготовиться. Поджав губы, я поднимаю голову, чтобы посмотреть в глаза этому ангелу, раз скоро все равно умру. Летнее солнце ослепляет меня, но я вижу сияющую тень, падающую на моего убийцу, занесшего меч перед последним ударом. Я вижу светло-голубые глаза, короткий кивок, а затем слышу звук гонга. Битва окончена, и, как невероятно бы это ни звучало, я все еще жива.

Мой противник фыркает и вкладывает свой меч обратно в ножны. Ангелы сражаются без щита. Просто чтобы показать нам, насколько сильно мы уступаем им в развитии.

– Скажи спасибо Кассиэлю, – обращается он ко мне. – Он только что спас твою жизнь.

Я, стиснув зубы, встаю на ноги. Я с радостью бы плюнула ему под ноги, но во рту у меня все пересохло.

– Он, вероятно, ошибся, – шиплю я вместо этого. Я была вынуждена бороться с ним, поэтому он не должен меня дразнить.

Ангел смеется, прямо как в начале боя:

– О, точно не ошибся, он очень опытен. Правда, его способности обычно лежат в другой сфере. Остерегайся его.

Он только что предупредил меня об опасности, исходящей от другого ангела, причем от того, который только что спас мне жизнь?

– Я, кстати, Семьяса, – представляется он. – Ты отлично сражалась.

И снова я в замешательстве. Ангелы редко опускаются до разговоров с людьми, и уж точно не знакомятся с ними. Это как если бы я сказала мухе, что меня зовут Мун. Я решила рассмотреть его внимательнее. Значит, это Семьяса, самый верный последователь Люцифера. Своего имени я ему точно не скажу.

Кассиэль внимательно смотрит на меня. Я еще никогда не видела его на арене, и мне интересно, какому небесному двору он служит. Он не помечен знаком

Люцифера на груди, и я не верю в то, что он спас мою жизнь случайно. Ангелы таким не занимаются. Они ненавидят нас как минимум так же, как мы их. Если бы все было иначе, моя картина мира развалилась бы в мгновение ока.

Кассиэль внимательно рассматривает меня своими сияющими голубыми глазами:

– Надеюсь, ты в порядке.

Когда я киваю, он продолжает:

– Рад, что я ошибся, и не слушай Сэма, – его голос тихий и приятный.

Я редко теряю дар речи, но это один из таких моментов. Семьяса толкает его локтем.

– А ты придурок, Касс, – рычит он. – Прекращай обнадеживать девочку. А то она начнет думать, что в следующий раз ей опять повезет. Однажды все они умрут на этом песке.

– Очень жаль, – почти сожалея, улыбается Кассиэль.

В замешательстве я мотаю головой, потому что не до конца уверена, что этот диалог действительно состоялся. Сложенные крылья Кассиэля такие же голубые, как и его глаза. Короткие русые волосы обрамляют его симметричное лицо. Он убирает несколько прядей, упавших на лоб. Худой, совсем не такой мускулистый, как Семьяса, но факт того, что он совсем не боится ангела, дает понять, что он принадлежит двору более высокого ранга, выше, чем пятый. На самом деле все ангелы презирают пятый небесный двор. По крайней мере, мне всегда так казалось. Кассиэль слегка кланяется, прощаясь со мной, и уходит, пока я недоверчиво провожаю его взглядом.

– Увидимся, девочка. – Семьяса презрительно скривил губы, увидев, как я смотрю на Кассиэля. Затем он расправил свои крылья, оттолкнулся и улетел прочь, не проронив больше ни слова.

Мои отец и мать всю жизнь советовали мне остерегаться ангелов и ни в коем случае не привлекать их внимание. Не смотреть на них и тем более не общаться

с ними. Пока я остаюсь безликим пятном в толпе, я в безопасности. Сегодня я нарушила это правило. Было очень глупо и неосторожно с моей стороны. Многие люди погибли оттого, что совершили ошибку и попали в поле зрения ангела.

* * *

Я возвращаюсь ко входу на арену, где Нерон де Лука сидит за своим столом, накрытым белой скатертью. Он председатель Совета десяти и один из тех, кто путается с ангелами. Жители Венеции впервые выбирали членов Консилио пять лет назад. Правда, «выбирали» – не совсем подходящее слово. Большинство советников купили свои места. Вместо того чтобы дальше нас убивать, ангелы заручились поддержкой некоторых влиятельных горожан, которые с тех пор управляют нашими судьбами. Наверное, мы должны быть счастливы, что Нерон не лезет в Дворец дожей. Без согласия совета в городе ничего не произойдет. Тем не менее Нерон, пока ему это позволяют остальные дела, сидит здесь, у арены, и чахнет над нашим золотом. Его серые волосы собраны в косу, подчеркивающую его тощее лицо. Он одет в костюм из легкого шелка. Мужчина смотрит на меня своими холодными серыми глазами, прежде чем передать мне деньги. У него ухоженные руки, его окутывает пронзительный запах розового масла.

После того как его избрали в Консилио, на главной площади Палаццо Муниципале, в городской ратуше, нашли старые печатные машинки. Те, которые были механическими и работали без электричества. Затем члены совета решили использовать старые добрые лиры в качестве валюты, и Венеция теперь была отделена от остальной Европы еще и экономически. Кроме того, они решили печатать только определенное количество купюр, чтобы деньги не утратили ценность. Если я правильно поняла, это было единственно верным решением за все время их правления, хотя они, разумеется, и сами получили немало прибыли. Несмотря на это, многие жители города все еще предпочитают бартерный обмен. Но у меня нет ничего, что я могла бы обменять. Только книги, которые мой отец так скрупулезно коллекционировал.

Бывают дни, когда я задумываюсь о том, почему мой отец не стал таким, как Нерон. Его семья в безопасности, у них достаточно еды, а его дочь Фелиция, с которой мы вместе учились в начальной школе, смотрит на нас, гладиаторов, свысока. Будто мы сами выбрали такую судьбу! Будто это не мы отвлекаем людей от их сложных жизненных ситуаций и развлекаем ангелов.

Я так скучаю по временам, когда наша жизнь была спокойной и обычной и мы задумывались о том, какие чикетти[9 - Чикетти (итал. cicchetto) – традиционная итальянская закуска – маленькие, как канапе, бутерброды, с большим количеством вариаций: венецианское пюре из трески бакалла, итальянская ветчина прошутто, сыры и прочее.] будем есть на обед. Сегодня у меня действительно плохое настроение. Обычно я запрещаю себе вспоминать о прошлой жизни и времени, когда ангелы еще не спустились на землю. Я рада тому, что была такой юной, когда они вернулись. Воспоминания стираются из моей памяти изо дня в день, что делает мою жизнь более сносной. Но иногда мне трудно забыть о том, что раньше существовали машины, самолеты, телевизоры и телефоны. Порой мне проще принять это, потому что у меня все еще есть брат и сестра, крыша над головой, немного еды и Алессио. Мой лучший друг, моя поддержка и опора.

– Ты хорошо сражалась, – надменно говорит Нерон. – Правда, я вынужден вычесть двести лир из твоего заработка. Сэм чуть тебя не убил.

Я сжимаю руки в кулаки, как вдруг Алессио оказывается рядом со мной. Как и всегда, он ждал исхода поединка на улице. Нерон де Лука раздражает меня больше, чем десяток ангелов. Во-первых, потому что он называет ангела доверительным прозвищем, будто они лучшие друзья, и, во-вторых, потому что он всегда находит причину вычесть из гонорара бойцов часть суммы. Иногда это происходит из-за слишком небрежного наряда, иногда из-за царапины на щите, плохо наточенного меча или нарушения правил. Правда, они меняются в зависимости от настроения Нерона. Каждый знает, что он невероятно богат, но никто не хочет стать таким, как он. Мужчина и его компания правят городом под присмотром ангелов.

Они не вмешиваются в дела Нерона. Их не интересует наша судьба, им плевать на то, что Нерон превращает нашу жизнь в ад. Ангелы указали нам наше место, и мы должны им подчиниться. Все снова стало так, как это было после изгнания людей из рая. Мы в поте лица боремся за выживание. Состояния де Луки хватит, чтобы обеспечить десять семей. Моего состояния не хватает ни на что. Мою семью даже семьей назвать сложно. Очень странно осознавать это, когда вспоминаешь о том, что именно моя семья была одной из богатейших семей Италии, пока ангелы не разграбили библиотеку моих родителей.

– У тебя нет права забирать часть моего заработка, – говорю я Нерону, чувствуя, как Алессио рядом со мной напрягся. Почему я просто не могу закрыть свой рот?

Возможно, я все еще пребываю в состоянии шока.

Другие люди рядом со мной замолчали: держу пари, они с любопытством глазеют на нас. И мне не нужно смотреть на них, чтобы знать, что мои догадки верны. Телохранитель Нерона подходит ближе, а я пытаюсь по выражению его лица вычислить, что он думает о моем демарше.

– Если тебе нужно больше денег, можешь прийти сражаться и завтра, – говорит он. Его бесчувственные глаза жадно сияют.

Мои колени дрожат, когда я понимаю, чего он добивается.

– Нет, – отвечаю я, потому что никогда не хожу на арену два дня подряд.

Я закрываю глаза. Мне не нужен враг в лице Нерона де Луки. Он руководит почти всем в этом городе и может решить судьбу любого. Он в силах уничтожить меня, щелкнув пальцами. Я бы предпочла, чтобы он погнал меня прочь отсюда. Но он не станет этого делать.

– Жаль, – шепчет он. – Когда ты сражаешься, к нам приходит больше зрителей.

Серьезно? Никогда раньше этого не замечала.

– Почему ты тогда никогда не даешь мне полный гонорар?

Он что-то пишет на одном из листков, лежащих перед ним.

– Фелиция получила приглашение на ужин от Нуриэля во Дворец дожей, – говорит он, игнорируя мой вопрос. Это злит меня еще больше. Меня не интересует, чем там занимается его дочь.

Нуриэль – личный помощник архангела Михаэля. Он командует пятьюдесятью мириадами ангелов. Его грубое лицо покрыто шрамами, но его красоту не скрыть этими недостатками. Он получил множество ранений во время двух Небесных войн. Я не очень хотела бы общаться с ним. Но Нерон с радостью продаст свою дочь любому ангелу. Мой отец умер, а мать оставила нас в беде. Но, по крайней мере, они нас не продали. И я благодарна им за это.

– Я уверен, она станет одной из кандидаток на испытание, – самодовольно добавляет он.

Я замерла от ужаса. Почему меня вообще это удивляет? Фелиция была моей ровесницей. Мы с ней родились в одном месяце, и ни одна богатая семья города не упустит шанс предложить свою дочь в качестве кандидатки на испытание. Несмотря на то что девушки умирают на этих испытаниях или сдаются уже в первом раунде. Семьи надеются на то, что с дочерью-ключом они смогут обеспечить себе место в раю. Я едва не рассмеялась от глупости и наивности Нерона.

– Что с моими деньгами? – спросила я вместо этого более настойчиво. Я не смела смотреть на Алессио. Мне было уже все равно. Он будет ругать меня за то, что я такая упрямая и отчаянная. Но я не могу смириться с этим. Тем более когда мои права нарушает человек. Все-таки то, что делают ангелы, – это совсем другое дело.

– Ты мне должен.

Условия боев расписаны достаточно точно. Тысяча лир за бой, три тысячи за два боя в день и пять тысяч, если человек сражается с ангелом без щита и уходит с арены живым. Правда, таких безумцев я пока не встречала. Когда ты мертв, пять тысяч лир – небольшая помощь.

– Исчезни, девочка, если твоя жизнь тебе дорога. – Лицо Нерона становится суровым. Ему не нравится испытывать стыд перед мужчинами, которые стоят вокруг нас. Я опять перегнула палку. Снова.

Только я собралась уходить, как вдруг рядом с нами возникает чья-то тень. Я замечаю ее краем глаза. Кроме того, все люди в радиусе десяти метров торопятся к выходу из атриума. Вдруг мужчинам становится плевать на то, получат они свою зарплату или нет. Через пару секунд мы с Алессио, Нероном и его телохранителем остаемся наедине с тенью. Мне становится холодно, потому что я понимаю, кто оказался рядом со мной. Алессио подходит ближе. Он никогда не оставит меня одну, хотя я миллион раз говорила ему о том, что он не должен подвергать себя опасности из-за меня. Он так же не слушается меня, как и я его. При этом он и оружия в руках не удержит. Этот парень – настоящий пацифист. Его главное оружие – пластырь, игла и нить. Я уже и не помню,

сколько раз он меня зашивал.

– Нерон де Лука, – говорит тихий, опасно мягкий голос. – Какие-то проблемы?

Мужчина бледнеет в мгновение ока. Его зрачки расширяются, и я не виню его, ведь мои ноги дрожат, будто превращаясь в овсянку, которую я ела сегодня на завтрак.

Но то, что я делаю дальше, кажется еще более неразумным действием, чем разговор с Нероном де Лукой. Судя по всему, инстинкт самосохранения сегодня у меня отсутствует. Я поворачиваюсь к говорящему. Сначала я вижу только тень, а затем – худую, но коренастую фигуру, окруженную темной аурой. Мой взгляд падает на серебристые глаза. Серые, может, серебристо-серые, я не могу так хорошо их разглядеть, потому что тени не растворяются до конца. Тем не менее я продолжаю смотреть в глаза Люцифера. Сатана, дьявол, Вельзевул. У него сотни имен, но ни одно из них ему не подходит.

– Никаких проблем. – Голос Нерона поднимается неестественно высоко, и Люцифер прерывает наш зрительный контакт. Теперь он разглядывает Нерона так, словно перед ним какое-то насекомое.

– Мы тут обсуждаем, будет ли Мун де Анджелис сражаться завтра.

Он что, только что сказал Сатане мое полное имя? Наверняка он сделал это специально, потому что я выставила его на посмешище.

– Она отказывается, – злобно добавляет он.

– И почему же? – Ноздри Люцифера раздуваются, словно он пытается уловить мой запах.

Я сжимаю свои дрожащие ладони в кулаки. Мое сердце бешено стучит в груди, и я хочу поскорее уйти отсюда. Да, я хочу сбежать на самый край света. Но в Венеции мир заканчивается у крепостных стен.

– Ты хорошо сражалась, недостаточно хорошо, чтобы победить Сэма, но тебе все равно повезло. Еще секунда, и ты была бы уже мертва. В общем, завтра ты снова

будешь сражаться, – приказывает мне он. Его голос больше не звучит мягко, скорее совершенно бесчувственно. Но разве от принца тьмы можно ожидать чего-то другого? Наверняка он уже не может дождаться, когда сможет наконец поработить мою душу. Человеческая жизнь значит для владыки ада еще меньше, чем для остальных ангелов. Моя жизнь ему вообще не важна. Я чувствую, как мои глаза горят. Почему я не ушла отсюда, когда могла? Почему он хочет убить нас, людей? За что он нас так ненавидит? Прислуживают ли ему люди на небесах? И падают ли они к его ногам, когда он приходит в свой кроваво-красный замок? Переступает ли он своими кожаными ботинками через человеческие души?

– Разумеется.

Нерон де Лука расплывается в самодовольной улыбке, записывая мое имя в список.

– Будешь участвовать в обеденное время, – обращается он ко мне.

В самое жаркое время дня. Ангелы становятся еще более безжалостными, потому что предпочли бы в это время сидеть за своими белыми занавесками в тени, пить прохладное вино и есть фрукты, о существовании которых я уже давно позабыла. В полуденном свете они беспощадно убивают своих противников. Нерону очень легко удалось избавиться от меня, не замарав при этом рук.

Теперь мне придется сражаться, хочу я этого или нет. Обычно я отдыхаю несколько дней между битвами, потому что нервы и тело выдерживают только одно сражение в неделю. Но это не интересует ни Люцифера, ни Нерона. Последний успешно помешал мне пристыдить его, а к завтрашнему вечеру я, возможно, буду уже мертва: тогда никто больше не сможет обвинять его в мошенничестве.

Трупы павших на носилках выносят с арены. На их тела положили ткань, но я все равно чую металлический запах крови. Завтра и я буду лежать там. Мысль об этом такая яркая и реальная, что у меня перед глазами все темнеет, и я шатаюсь на месте.

Из тени появляется рука и придерживает меня. Она удивительно теплая: хватка крепкая и надежная. Неужели по венам Сатаны течет кровь? Не могу представить себе такое. Я панически вздрагиваю, но Люцифер отпускает меня только тогда, когда Алессио хватает меня за руку. Он разворачивается.

– Дай ей деньги, которые она заслужила, – приказывает он Нерону. – Все. И больше не смей обманывать бойцов. Мы не хотим оставаться им должными. Они усердно работают за свои деньги.

После этих слов он уходит прочь к собору мягкой поступью. Под его ногами хрустит песок, а солнечные лучи заставляют крылья сиять. Они раздвигаются и наконец окончательно прогоняют тень. Я смотрю на его сильные мышцы спины и кожу оливкового цвета. Мне казалось, что Люцифер бледный, почти белокожий. Он улетел наверх. Его движения сильны и, несомненно, элегантны. Если бы ангелы не забрали у нас нашу свободу, я бы им восхитилась.

Через несколько секунд он исчезает из моего поля зрения, и я пытаюсь стряхнуть с себя это неприятное чувство, которое во мне оставила встреча с Люцифером.

– Дыши, – говорит мне Алессио, и я делаю вдох. Воздух теплыми струйками наполняет мои легкие.

– Ты самая глупая девушка из всех, кого я знаю, – обвиняет он меня. – И самая смелая. Я чуть в обморок не упал.

Алессио обнимает меня, и мне кажется, что уже сейчас он со мной прощается. Я на мгновение опускаю голову на его грудь.

– Твои деньги! – кричит Нерон, с шумом положив пару новых купюр на стол. Теперь он не сможет класть деньги бойцов себе в карман.

– Ты знаешь, что Мун заслужила эти деньги. – Алессио пытается отвлечь внимание Нерона на себя. – И нечего устраивать театр.

Я забираю свои деньги и хватаю друга за руку.

– До завтра, – выдавливаю сквозь зубы. Мы с Алессио выходим на улицу. Я хочу скорее вернуться к брату и сестре, посидеть в нашем саду и попить кислый лимонад.

Сегодня мне хочется забыться и не думать о завтрашнем дне.

Глава II

Несмотря на то что лето близится к концу, на площади Сан-Марко стоит жара. А ведь еще даже не полдень. Капли пота стекают по моему лбу, а в нос ударяет запах солоноватой воды из канала. Я вдыхаю его, даже не поморщившись. Возможно, сегодня я делаю это в последний раз.

– Ты не обязан расплачиваться за мои глупости, – нерешительно говорю я, хотя невероятно благодарна Алессио за то, что он не сбежал, когда Люцифер вмешался в беседу с Нероном. Я инстинктивно поднимаю взгляд к небу, но, кроме пары голубей, среди облаков других крылатых существ не видать. Значит, ангелы развлекаются на арене. Даже здесь слышен лязг мечей. Алессио бормочет что-то себе под нос. Он будет злиться на меня еще некоторое время, но долго обижаться не станет. По какой-то неясной мне причине он чувствует ответственность за меня, моих сестру и брата. Я с любовью смотрю на его каштановые локоны. Вещи, которые он носит, когда-то принадлежали моему отцу. Оправа его очков была когда-то сломана, и он своими руками пытался ее починить. Этот юноша выглядит умнее любого другого человека, которого я знаю. Что бы я без него делала?

Он пришел к моим родителям, чтобы стать помощником отца. Ангелы убили его семью незадолго после возвращения на землю. Он, наверное, должен ненавидеть их еще больше, чем я, но все было не так. Алессио снова и снова говорил мне о том, что ненависть – не решение проблемы. Отец очень скоро полюбил его почти так же, как Тициана, своего собственного сына. Они целыми часами сидели в библиотеке со Стар, размышляя над древними писаниями, пока я училась сражаться. Правда, я сама не любила сидеть на месте. После смерти отца его лучший друг Пьетро Андреаси взял Алессио под крыло. Раньше он был одним из самых успешных врачей Венеции, а сейчас остается одним из немногих выживших медицинских работников. Алессио работает у него в больнице, и

Пьетро постоянно говорит о том, что однажды юноша станет прекрасным врачом. Хоть Алессио и проводит в больнице большую часть времени, он все еще живет с нами. Для Стар и Тициана он стал старшим братом, для меня – лучшим другом.

Мы шагаем по площади Сан-Марко, проходим мимо прокурации Веччи[10 - Венецианские прокурации – три здания на площади Сан-Марко, построенные в XII в. и предназначенные для размещения рабочих кабинетов и личных апартаментов прокуроров. Прокураторы Венеции и служащие были самыми влиятельными после дожа людьми.]. За брошенными и забитыми досками магазинами мы поворачиваем направо. После каждой моей битвы мы отправляемся на рынок, чтобы закупиться продуктами. Меркато ди Риальто – все еще самый большой рынок овощей и фруктов в Венеции. Некоторые вещи, к счастью, не меняются: в свое время мы гуляли здесь с отцом, когда только переехали в Венецию. Тогда моя мать хотела обязательно вернуться в этот город, а отец никогда ей ни в чем не отказывал. Кроме того, в Венеции он смог наконец осуществить свою мечту и основать собственную библиотеку. Только из-за британских корней моего отца нас с сестрой назвали Стар и Мун. Мать всегда называла нас Стелла и Луна. Но я никогда не любила эти имена. «Луна» звучит так, будто речь идет о девочке, которая интересуется только платьями и украшениями. У этого слова слишком мягкое звучание. А мягкой мне быть нельзя.

Мы с Алессио выходим на улицу Калле дей Бомбазери, заходим в узкий переулок, и сразу становится прохладнее. Я держу руку в кармане на деньгах, чтобы защитить их от воров. Для многих грабеж стал единственным способом выживания. Алессио идет впереди, и я благодарна ему за то, что он не говорит о завтрашнем поединке. Мне нужно подумать о том, есть ли у меня какой-нибудь выбор. Конечно же, его нет, но мой усталый мозг все еще пытается что-то придумать. Когда адреналин, бушующий во время битвы, испаряется, я чувствую себя так, будто мне сотня лет.

Мы идем по понте ди Риальто – мосту квартала Риальто – или, правильнее сказать, по тому, что от него осталось. На нем больше нет прилавков с торговцами, только постоянно околачиваются курильщики, смотрящие на воду. Дети играют в догонялки на ступеньках, а на волнах качаются гондолы. Люди сплетничают о моей сегодняшней битве, о моем небольшом восстании против Нерона де Луки. Я болтаю с парой друзей, знакомых и соседей, которые хлопают меня по плечу и говорят, что я славно сражалась. Раньше я гордилась этим, но

сегодня мне наплевать; тем не менее я благодарю их за пожелания удачи и улыбаюсь. Лучше им не знать о моем отчаянии. Никто из них не в силах мне помочь. Если я умру завтра, послезавтра они уже забудут обо мне. И я не могу винить их за это. Столько людей уже погибло… Хоть ангелы и перестали нападать на нас на улицах, на смену им пришли болезни – ведь у нас почти нет медицины, а гигиена оставляет желать лучшего. По городу бродят мародеры и грабители, внушающие страх и ужас. Суровая зима и голод тоже унесли немало жизней. Ситуация стабилизировалась только недавно: Консилио, управляемый Нероном де Лукой, теперь моментально приговаривает к казни мародеров. У нас появилось достаточное количество продуктов, потому что ангелы стали пускать в Гранд-канал торговые корабли. Дети снова вернулись в школы. Люди наконец-то в безопасности, и все вроде как встало на свои места. Но это лишь вопрос времени, скоро ангелы нанесут новый удар. Они нетерпеливы и ищут ключи уже восемь лет.

За прилавком, к которому я подхожу, стоит моя подруга Мария – двадцатилетняя девушка. Она старше меня всего на два года, но уже замужем и воспитывает сына.

– Ты, правда, должна сражаться и завтра? – спрашивает она, заворачивая кусок пармезана в бумагу. – Не делай этого, – беспокойно добавляет она.

Собор Сан-Марко примерно в пятнадцати кварталах от моста Риальто, но новости распространяются по городу со скоростью света. Поэтому меня совсем не удивляет то, что Мария уже обо всем знает.

– У меня нет выбора, – отвечаю я, пытаясь говорить максимально спокойно. – Нерон уже внес меня в список.

– Что за свинья!

Мария – высокая девушка с длинными темными волосами. Ее глаза вспыхивают, и она сжимает ладони в кулаки.

– Я надеюсь, ангелы однажды зарежут его на арене.

– Он бы не продержался и минуты, – говорю я, и мы одновременно смеемся. На мгновение я забываю о своих проблемах. Ангелы редко появляются у Меркато,

поэтому здесь можно расслабиться. Здесь не бывает городской стражи, да и богатые жители Венеции со своими охранниками здесь тоже появляются очень редко – чаще они отправляют за свежими продуктами своих слуг.

Мария выходит из-за прилавка и крепко меня обнимает.

– Я желаю тебе удачи, – говорит она. В ее темных глазах блестят слезы. – Не дай им себя сломить. У тебя все получится. Ты справишься. – Она сует мне в руку буханку свежего хлеба. – Возьми.

– Спасибо большое, – выдавливаю я. – Я так быстро не сдамся.

Мария кивает, и, так как мне больше нечего ей сказать, я иду дальше. Алессио продолжает избегать разговоров о завтрашнем сражении. Мы покупаем соль, лимоны, анчоусы и помидоры. Мне нужно быть экономной. При мысли о том, что Тициан и Стар с завтрашнего дня будут предоставлены сами себе, мне становится плохо. Возможно, Алессио и сможет о них позаботиться, но он не в силах их защитить.

Павел Томази, муж Марии, машет нам рукой, когда мы уходим с рынка.

– Я отвезу вас, – предлагает он нам, балансируя на своей лодке на волнах под мостом Риальто. – Я не возьму с вас денег, – добавляет он. – Соглашайся, сделай мне одолжение, иначе Мария устроит мне взбучку.

Я улыбаюсь и запрыгиваю в его лодку. Раньше здесь было множество гондол, но сегодня их осталось совсем немного. Иметь лодку – теперь непозволительная роскошь. Маленькая гондола, некогда принадлежавшая моей семье, гниет в крошечном канале, ведущем к нашему дому. Мне не хватает денег на починку.

Несмотря на упадническое настроение и мысли о последнем дне моей жизни, я все еще в состоянии шутить:

– Ты все еще у нее под каблуком?

– Я ем из ее рук! – Павел ухмыляется. – И она – из моих.

Я молчу, наслаждаясь поездкой, а Томази ругается на свою свекровь, которая две недели назад переехала к ним с Марией, и рассказывает о сыне. Мы с Алессио слушаем. По крайней мере, у него нет серьезных проблем. Я стараюсь ему не завидовать. Гондольеры неплохо зарабатывают, потому что богатейшие семьи города все так же любят кататься на лодках, как раньше, – лишь бы не ходить пешком. Брату Павла принадлежит целая судоверфь в Венеции. Прошлым летом Нерон де Лука заказал у него лодку. Наверняка он заплатил за нее деньгами, которые отбирает у нас, бойцов. «Теперь с этим покончено», – сердито думаю я.

Павел останавливается у деревянных столбов полусгнившей гавани Сан-Заккариа, чтобы мы вылезли из лодки.

– Я приду на твой бой завтра! – кричит он мне вслед. – Ставлю на тебя!

Я поворачиваюсь к нему:

– Это не очень умно. Поставь лучше на ангела, против которого я выступаю.

Беззаботное выражение его лица сменяется обеспокоенным:

– Надеюсь, Лука однажды попадет в свою собственную ловушку.

Конечно же, гондольеры знали о том, как губернатор меня обманул. Настроение становится еще хуже.

– Чтоб он провалился! – кричу я Павлу, который уже направляет свою лодку обратно на фарватер. Он машет веслом на прощание и уплывет прочь. Возможно, я вижу его в последний раз, как и Марию, Меркато и солнце над Венецией.

Когда мы возвращаемся в палаццо[11 - Палаццо (итал. palazzo, от лат. palatium – дворец) – тип городского итальянского дворца-особняка.], где находится библиотека и наш дом, я отправляюсь искать сестру, а Алессио – на ежедневный обход. Палаццо простирается на три этажа и состоит из бесчисленных коридоров, комнат и укрытий – мы должны быть уверены в том, что ни один незваный гость не проскользнул к нам. Время от времени это все же происходит,

хотя мы и забаррикадировали все входы, кроме одного. Сейчас мы заходим в библиотеку с бокового входа, который ведет на площадь Сан-Марко. Он самый незаметный из всех. Раньше в комплекс зданий входили Городской музей Коррера, картинная галерея, археологический музей и сама библиотека. В комнатах было полно старинной мебели, скульптур и стеклянных витрин. На стенах висели дорогие картины, а полы были устланы дорогими коврами. От всего этого великолепия ничего не осталось. Когда мой отец стал куратором музея, он заполнил библиотеку книгами со всего света. На верхнем этаже оборудовал нам жилище. Когда он умер, то оставил нам палаццо и передал все знания об ангелах, которые только существовали на свете. Я потеряла счет апокрифическим произведениям, которые здесь хранились, забыла, сколько здесь было изданий книг Разиэля[12 - Имеется в виду средневековый каббалистический гримуар, изначально написанный на древнееврейском и арамейском языках, известный также как «Книга ангела Разиэля», рукописи XIII в. Книга представляет собой компиляцию эзотерических писаний, собранных, вероятно, одним и тем же компилятором, но являющихся изначально работами не одного, а многих авторов.] и томов о Енохианской системе[13 - Енохианская система – структура так называемой ангельской магии Ди и Келли. Енохианская магия основана на вызывании с помощью молитвы и управлении различными духами. Дневники Ди содержат «енохианский алфавит» и таблицы соответствий с ним. В этих же дневниках утверждается, что переданное «учение» содержит тайны апокрифической Книги Еноха.]. Меня это совсем не интересовало. Все эти знания не помогли отцу спастись от ангелов. А теперь единственным человеком, который ориентируется во всем этом, осталась моя немая сестра. И у нее своя система.

– Стар! – кричу я, нарушая тишину. – Ты где?

Толстые тома заглушают мои слова. Я прохожу мимо первой комнаты, мимо вестибюля, в котором когда-то читались лекции. Тут все еще стоит несколько греческих скульптур, которые мой отец очень любил. Мраморный черно-белый шахматный узор украшает пол следующей комнаты, которую я пока не могу окинуть взглядом. Везде стоят ломящиеся от книг полки и столы. Четырнадцать из шестнадцати оконных арок забиты досками, потому что стекла постоянно разбивали после Вторжения. Как и в вестибюле, в большом зале библиотеки почти не осталось красивых картин и фресок, некогда украшавших потолки и стены. Цвета поблекли, а героев мифов, изображенных на них, теперь почти не узнать. Я медленно иду дальше. Чаще всего моя сестра сидит в одной из маленьких комнат, примыкающих к залу, между полками или на старом неудобном диване, погруженная в свои книги. Она никого и ничего не замечает

вокруг себя. Венеция может превратиться в руины, а она будет сидеть и читать.

Пока ангелы не спустились на землю, в комнатах было много людей. Они стояли у полок и стеклянных витрин, читали книги и рассматривали иллюстрации. Они разбивались на мелкие группки и обсуждали что-то или сидели за бесчисленными столами, делая записи. Мой отец был очень харизматичным мужчиной, и его страсть к ангелологии была заразительной. Он собирал вокруг себя толпы заинтересованных юношей. Теперь из них остался только Алессио. Сегодня книги уже никому не нужны, а ангелы повсюду. Старые знания никого не интересуют. Многое оказалось сказками. И только Стар перебирается из комнаты в комнату, смахивает пыль с высоких полок и читает все, что ей нравится. Она становится ходячей энциклопедией. К сожалению, она неохотно рассказывает о том, что узнала. Я рада, что она развлекается таким образом – одной заботой меньше. Библиотека – наш дом. Но в отличие от меня сестра никогда не покидает это здание.

По коридорам проносится шепот, и я подхожу к лестнице. Если бы у меня было больше фантазии, мне бы показалось, что это книги разговаривают друг с другом, потому что им скучно. Чтобы заглушить шепот, я громче топаю. Мои шаги эхом отражаются от обесцвеченного и потрескавшегося мрамора. Наконец я замечаю Стар, за столом в комнате, окна которой выходят на площадь Сан-Марко. Отсюда она могла увидеть меня, когда я выходила с арены. На отполированном столе стоят свечки, которые пока не зажжены, Стар ничего не замечает из-за работы. Когда я подхожу чуть ближе, то замечаю, что ее щеки цвета алебастра пылают от волнения. Моя сестра могла бы легко сойти за ангела, если бы у нее были крылья. Она очень красивая. Можно сказать, неземная. Это еще один повод защищать ее от этого мира. Я рада, что она не выходит на улицу. Говорят, что ангелы похищают самых красивых женщин, чтобы утолять свою похоть. Я точно в безопасности. Но Стар – высокая и худая. Я низкая, мою фигуру не назовешь женственной, но я натренированная, как терьер. У Стар гладкие светло-русые волосы, у меня же грива цвета дикой пшеницы. Моя сестра наделена классическими чертами лица и молочно-белой кожей, я же – курносым носом, сильным загаром и веснушчатым лицом. Никто не может назвать меня некрасивой, как и я сама. Скромной меня не назовешь. Но мы с сестрой очень разные. Одинаковы только глаза цвета зеленой травы. Природа одарила нас по-разному, и хорошо. Только благодаря моим способностям я могу защищать Стар и брата. Если бы мы обе были грациозными феями, то давно бы погибли.

– Эй! – говорю я ей, облокотившись на стол. – Как дела?

В те дни, когда я сражаюсь на арене, настроение Стар становится непредсказуемым.

Ей нужно некоторое время, чтобы собраться с мыслями, и я наблюдаю за пером, летящим над пожелтевшей бумагой. Справа налево. Она всегда писала в обратном порядке, сколько я ее помню. Это выглядит странно, но подходит ее капризной, но милой натуре.

Когда Стар дописывает строчку, она поворачивается ко мне лицом и улыбается.

«Как прошел поединок?» – спрашивает она на языке жестов, и я чувствую облегчение. Иногда она по нескольку дней не разговаривает со мной после сражений, и это причиняет боль. Я ведь делаю это ради нее в том числе. Когда она ни с кем не общается, ей становится легче справляться со страхом, но я тяжело переношу ее нежелание говорить со мной. Когда сестра игнорирует меня, я чувствую себя еще более одинокой, хотя она, понятное дело, не виновата в том, что родилась немой.

Я пожимаю плечами и улыбаюсь:

– Как видишь, жива. Нерон хотел обсчитать меня, но Люцифер вмешался, и де Луке пришлось отдать мне мои деньги. Ты можешь себе это представить?

Стар прекрасно все слышит, как любой другой человек. То, что она не может говорить, – врожденная болезнь. Вопреки здравому смыслу я все еще надеюсь однажды услышать ее голос.

Ее глаза округляются.

«Ты сражалась с Люцифером?»

– Нет. – Я злюсь, что вспомнила про него, потому что Стар начинает паниковать. – Я боролась с Семьясой, одним из его последователей. Он чуть меня не убил, но я выстояла.

Стар не нужно было знать, насколько близка я была к смерти.

«Значит, он?..»

Когда сестра испытывала страх, жесты становились слишком суетливыми. Она сделала вдох, и я сразу поняла, какой вопрос она сейчас задаст.

«Думаешь, Люцифер прибыл сюда из-за ключей?» – высказала она мысль, которую я совсем не хотела озвучивать.

В комнатах библиотеки обычно тепло, но я чувствую, как по моей спине пробегают мурашки. Почему я не устроила побег Тициана и Стар раньше?

– Ну, вообще он не охотник за ключами, – так мы называем ангелов, которые профессионально занимаются поисками этих девушек. Они каждую осень прибывают в город, чтобы выбрать подходящих кандидаток для испытаний.

Стар пожимает плечами.

«Но это был он. Это он посвятил женщин в тайну о том, как открыть врата».

Ее движения с каждым словом становятся все увереннее. Меня удивляет ее спокойствие.

«Мы с тобой точно не ключи», – говорит она.

«Это мы с тобой так считаем», – думаю я. Ангелы вполне могут принять нас за ключи. Каждая из девятнадцати девушек чем-то выделяется. Существует ключ самопознания, ключ перемен, ключ зависти, веры и так далее. А еще есть ключ голоса. Испытания, которые должны пройти кандидатки, дают понять, являются ли избранные тем или иным ключом.

Вдруг Стар обнимает меня так, словно нуждается подбадривании и утешении. На самом деле это всегда была моя задача. Я с самого детства за ней приглядываю. Боюсь, что кто-то отнимет ее у меня. Или что с ней что-то случится. Стар такая хрупкая и необычная, раньше я с трудом могла поверить в то, что мы действительно сестры-близняшки. В действительности же мы что-то

большее. Она моя половина, как и я – ее. Если придется, я буду защищать ее ценой своей жизни. К счастью, Люцифер ничего не узнает о моей сестре. Никто о ней не узнает.

– Тебе знакомо имя «Кассиэль»? Знаешь, к какому небесному двору он принадлежит? – пытаюсь я отвлечь ее.

Стар некоторое время внимательно смотрит на меня, а затем поднимается на ноги и возвращается в большой зал. Светлое платье обрамляет ее стройную фигуру.

«Почему ты спрашиваешь?»

Она гладит деревянные полки, проходя мимо. Ее руки всегда в движении, ей все время нужно что-то трогать. Это одна из ее странностей.

Я медленно следую за ней.

– Этот Кассиэль спас мне жизнь сегодня, – объясняю я ей спустя несколько секунд. – Хочу узнать почему.

Ангелы не совершают поступков из благородства. Причина должна быть в чем-то другом.

Стар останавливается на месте, проводит рукой по корешкам книг и вытаскивает одну из них с полки. Книга обита темной кожей и выглядит очень древней. На обложке красуется слишком знакомый мне символ семи небесных дворов, нарисованный золотыми чернилами. Стар внимательно листает страницы. Это одна из книг, которую отец приобрел в монастыре. Ангелология традиционно изучается в нашей семье, и отец был бы рад, если бы узнал, что Стар продолжает дело всей его жизни. Она занималась бы этим, даже если бы ангелы так и остались легендой.

Пальцы Стар пробежались по бесчисленным именам ангелов в книге, записи велись несколько сотен лет. Только почерк писавшего менялся. Было бы правильнее систематизировать все в алфавитном порядке. Каждый летописец просто вписывал в книгу новые имена, когда узнавал об ангеле что-то новое.

Наши предки даже не подозревали, сколько ангелов существует. Тысячи.

Вдруг указательный палец Стар останавливается на одной из записей, и я подхожу поближе.

«Кассиэль, – было написано в книге. – Принц-регент четвертого небесного двора».

Принц ангелов. Что он вообще делал на этой арене? В записи указано, что Кассиэль один из саримов. Вроде как хороший ангел. Будто такие существуют! Я не верю подобным заявлениям. Летописец считал Кассиэля ангелом одиноких и отчаянных. Я тихо вздыхаю, тем самым вызывая неодобрительный взгляд моей сестры. Забираю книгу у нее из рук, закрываю ее и ставлю обратно на полку. Я знаю достаточно. Погруженная в свои мысли, я направляюсь к столу, за которым сидела Стар.

«Я уверена, что есть ангелы, которым мы, люди, нравимся», – говорят ее руки, прежде чем убрать перья для письма со стола.

Хорошие ангелы. Очень наивная мысль, и я не хочу в это верить.

– Кассиэль случайно споткнулся о Семьясу, который должен был вот-вот меня убить, – говорю я, не собираясь приукрашивать сложившуюся ситуацию. Если бы не Кассиэль, я бы не вернулась сюда. Я бы лежала на повозке гробовщика, холодная и мертвая. На самом деле мне было все равно, насколько случайно или неслучайно он меня спас. Я жива, и это главное.

– Пойдем есть, – предлагаю я. Алессио уже давно занес продукты в дом. – Тициан уже вернулся?

«Я его еще не видела».

Она нерешительно закрывает рукопись. С момента смерти отца сестра работает над ней, но никому не разрешает читать. Я выхожу из зала раньше, потому что знаю, насколько для нее важно, чтобы никто не знал, где хранятся эти листы. Правда, я уже давно знаю, где они. Не потому, что шпионю за Стар, а потому, что понимаю, насколько ей важна эта реликвия, и присматриваю за ней. Никто

не отберет у сестры то, что она так любит.

Стар берет меня за руку, когда заканчивает свои дела, и мы вместе идем в апартаменты на верхнем этаже. Оставаясь здесь, в этих четырех стенах, я представляю себе, что мир вовсе не изменился. Я гоню мысли о завтрашнем дне прочь, и мы подходим к двери. Яркий солнечный свет совсем не проникает в окна, потому что они очень маленькие и к тому же грязные. Если бы мать видела, что мы пренебрегаем уборкой, она бы возмутилась. Но у меня есть дела поважнее, чем мытье окон. Я стучусь в дверь комнаты брата. Злоумышленника вряд ли остановит эта тонкая деревянная дверь со старой защелкой, но я настаиваю на том, чтобы Стар и Тициан закрывались, когда остаются одни. Так мне кажется, что все под контролем.

Загорелое лицо Тициана высовывается в дверную щель. Его голубые глаза сияют, когда он видит нас. Я так его люблю, что при виде брата мое сердце вырывается из груди. Ему всего двенадцать, но он увидел и пережил слишком многое для своего возраста. Когда ангелы вернулись, ему было четыре. Он и не помнит, что было раньше. Я прохожу в квартиру и обнимаю его. Тициан сразу же напрягается и неохотно это терпит. Мы не должны общаться с ним, как с маленьким ребенком. Сегодня я была так близка к смерти, что мне это дается еще тяжелее обычного. Я хочу защитить его от этой жизни. Они со Стар заслуживают лучшего.

«У тебя царапина на щеке, – ругает его Стар, когда я отпускаю брата и он направляется к сестре. – Что случилось»?

Тициан сказал бы мне, что это не мое дело, но рядом со Стар он превращается в лапочку.

– Подрался с Паоло, – говорит он, почесывая шею. Ему надо искупаться. – Он придурок.

– Еще вчера он был твоим лучшим другом, – удивленно говорю я. Они с Паоло неразлейвода. Я распаковываю продукты, которые Алессио поставил на стол. Этого хватит на несколько дней, мне вообще не нужно было выходить на арену. Может, пойти к Нерону и попросить его вычеркнуть меня из списка? С другой стороны, я смогу отложить деньги, которые получу завтра, на побег. Но я заработаю их только в том случае, если не умру, что, в общем-то, маловероятно.

А вдруг Семьяса снова будет моим оппонентом? А что, если это продуманный ход Нерона и Люцифера? Меня бы это не удивило.

– Он пытался спорить со мной о том, что ты завтра не выживешь, – раздраженно объяснил Тициан. – Притом что ты лучший боец. – В его голосе слышится гордость. Я тяжело сглатываю, прежде чем повернуться к нему лицом.

– С чего он взял? И откуда ты знаешь, что я завтра сражаюсь?

Детям было запрещено посещать арену. Я и не знаю почему. Уж вряд ли из-за того, что ангелы пытались оградить их от жестоких реалий нашего мира. Иногда я задаюсь вопросом, есть ли в других городах такие арены. Я вряд ли когда-нибудь получу ответ на свой вопрос. У Венеции нет связи с внешним миром. Мы только знаем, что в день Вторжения ангелы ворвались в разные города по всему миру. Мы сидели перед телевизором и смотрели все это представление, прежде чем трансляция была прекращена. Везде показывали серафимов, херувимов и архангелов, которых приветствовали мэры городов. В то время еще никто не знал, что они хотели стереть нас с лица земли. Тогда я поняла, что мои родители были правы. Они знали, что ангелы однажды вернутся. В течение многих лет работы с помощью сложных вычислений мой отец выявил точный день их пришествия, и именно тогда небо над нами потемнело из-за появившихся на рассвете тысяч блестящих крыльев. Это было страшно и в то же время захватывающе. В этот день мне не надо было идти в школу. Было круто, пока я не поняла, что я больше никогда не смогу насладиться этой скучной школьной рутиной. Вплоть до этого дня я никогда не думала, что родители могут оказаться правы.

Интернет-сообщество в тот день слетело с катушек. Каждый публиковал фотографии ангелов, некоторые делали с ними селфи и бросались им под ноги.

Мы со Стар тем вечером тайно проскользнули на площадь Сан-Проволо, чтобы встретиться с подругами. После школы мы часто ходили в бар, где ужинали вкусной выпечкой и свежевыжатым апельсиновым соком.

Сейчас странно вспоминать об этом. У меня не было своего мобильного телефона, и я привыкла к тому, что мои друзья показывали мне что-то на своих. Фейсбук и Инстаграм полнились мольбами и желаниями. Но ангелы не заботились о чьих-то там желаниях. Репортеры со всего мира объявляли о

прибытии ангелов, пытаясь взять у них интервью. Но те молча шагали по улицам Манхэттена и Елисейским Полям. Папа римский непрерывно молился и лепетал что-то о чуде. Он был первым человеком, которого убил архангел Михаэль. Архангел Михаэль теперь не только повелитель четвертого небесного двора, но и военачальник некоторых ангельских армий. Когда его воины начали убивать людей на площади Святого Петра, трансляция прервалась. Я никогда не забуду эти кадры.

Мы со Стар побежали домой, и родители заперли нас в комнатах. Этой ночью они впервые поссорились. Больше я в школу не ходила.

Я останавливаюсь у окна и выглядываю на улицу. К сожалению, отсюда не видно четвертого небесного двора Михаэля, но он сияет белым светом, словно прозрачный бриллиант – холодно и пренебрежительно, как и сам ангел.

Когда я обернулась, щеки Тициана пылали.

«Вы что, пробрались на арену? – спрашивает Стар. – Через катакомбы?»

Немногие люди знают о них, но библиотека и собор Сан-Марко соединены между собой подземными ходами. В большинстве своем они затоплены водой. Я так и знала, что Тициан их обнаружит и исследует.

Брат кивает. Стар гладит его по щеке, хотя мне хочется взять его за грудки и встряхнуть за такое неразумное поведение.

– Бои не для детей, – строго говорю я.

– Я уже не ребенок, – дерзко отвечает он. – Мне уже двенадцать, и я тоже хочу научиться сражаться. Из-за того, что ты не разрешаешь мне учиться, мне хочется хотя бы посмотреть бои.

– Учиться сражаться ты начнешь не раньше, чем тебе исполнится пятнадцать, и то – только через мой труп! – кричу я. – Поэтому держись подальше от арены, или мне придется запереть тебя дома.

Глаза Тициана пылают гневом.

– Может быть, скоро это и произойдет. И ты не можешь мне ничего запрещать. Ты мне не мать. И я сам буду принимать решения.

– Да! – гневно отвечаю я. – Когда повзрослеешь. До этих пор я не позволю подвергать себя опасности!

– Кто позаботится обо мне и Стар, если ты умрешь на арене завтра? – кричит он, и я вижу, как на его глаза наворачиваются слезы. Слезы гнева. В его возрасте он еще не должен был знать, что такое беспомощность, и не должен понимать, что наша ситуация настолько безвыходна. Ему нужно бежать прочь из этого города. Мысль о том, что меч ангела пронзает моего младшего брата, невыносима для меня. Я должна вывезти его и Стар отсюда. Где-то далеко, среди Альпийских гор, есть лагерь беженцев, в долине Аоста. Люди прячутся от ангелов в пещерном городе. Но чтобы доставить туда брата и сестру, мне нужно накопить больше денег. Контрабандисты требуют сорок тысяч лир за двоих. Только так они могут гарантировать безопасное путешествие. Что бы ни считалось безопасным в наше время… В последние годы я собирала деньги, и теперь мне не хватает около тысячи лир. Раньше я продавала мебель и книги из библиотеки богатым жителям Венеции, подрабатывала за разными прилавками на рынке Меркато или таскала воду из цистерн в дома. Когда я выросла, я начала сражаться на арене и откладывала с каждого гонорара столько, сколько было возможно.

Тициан падает на стул и скрещивает руки на груди. Стар подходит к брату и взъерошивает его волосы. Он прижимается к ней. Я не особенно хорошо умею воспитывать детей. И никогда не буду иметь своих, я поклялась себе в этом. Я все испорчу. Почему Тициан не понимает, что я просто волнуюсь за него?

– Ты голоден? – спокойно спрашиваю я, и его живот урчит. По крайней мере, хоть что-то в этой жизни осталось стабильным: Тициан всегда голоден.

– Как волк! – говорит он, высвобождаясь из объятий Стар. – Что у нас есть?

– Хлеб, сыр, помидоры, анчоусы и дыня, – говорю я.

– Хм… – Одна ножка стула, на котором он сидит, короче остальных, что заставляет его слегка наклоняться, но я не могу заставить себя превратить хорошую мебель в дрова. В этой комнате я провела самые счастливые часы

своей жизни с родителями.

Тициан щупает пальцами царапины на столе, и я смотрю на него взглядом, полным любви. Он упрям и мятежен, прямо как я в его возрасте. Только поэтому мы так часто ссоримся друг с другом.

Я копаюсь в ящике со столовыми приборами и нарезаю хлеб тонкими кусочками, пока Стар накрывает на стол. Мы садимся, и, пока Тициан со скоростью света засовывает в рот бутерброды с помидорами и рыбой, Стар кладет на хлеб кусок сыра, внимательно наблюдая за тем, чтобы его края не выходили за границу ломтика хлеба. Я раньше не понимала, почему ее еда всегда должна выглядеть как произведение искусства. Почему она лучше ничего не съест, чем допустит непорядок на своей тарелке. Раньше я пыталась уговорить ее поесть, ругалась и плакала, когда она голодала только потому, что мы не могли позволить себе сыр. Стар мало что любит из еды. Потом я поняла, что она делает это не специально, и теперь я не обращаю внимания на то, что она ест. Вторжение мало что поменяло в ее жизни, хотя я надеялась, что она избавится от своих причудливых привычек. Кусочки помидоров, которые она кладет рядом с хлебом, все одинакового размера, а молоко в стакане должно быть налито ровно до полоски, указывающей объем сосуда. Она довольно смотрит на свою работу и начинает медленно и вдумчиво есть. Сестра жует каждый кусочек ровно девятнадцать раз. Я считала. Всегда только так. Я делала это, чтобы понять, почему она так долго пережевывает пищу. Интересно, расскажет ли она мне когда-нибудь, почему она так сосредоточена на числе девятнадцать? Скорее всего нет.

– Хочешь, мы опишем тебе Семьясу и Кассиэля? – спрашиваю я Стар, когда мы заканчиваем ужин. Это одна из немногих возможностей задержать Тициана дома. Иначе он сразу бежит на улицу. Наша жизнь для него – одно большое приключение. Я в отличие от него очень скучаю по нормальности исчезнувшей цивилизации. На самом деле, мне надо бы радоваться тому, что он так хорошо справляется со всем, но я боюсь, что однажды он присоединится к одной из этих банд, которые бродят по городу. И тогда я потеряю его навсегда. Мне предстоит еще многое ему объяснить, нам нужно почаще с ним общаться. Но мне не хватает времени для этого, а в школе брат изучает только какой-то религиозный бред. Его учителя рассказывают, как мы, люди, отстаем от ангелов в развитии и какие они сильные по сравнению с нами. Я пытаюсь ставить это под сомнение, но не думаю, что мне это удается. Они умеют летать, и поэтому Тициан жутко им завидует.

Стар встает со стула и уходит в свою комнату. Сестра возвращается с листом бумаги и карандашами. Я скоро куплю ей новые, потому что эти уже сточились и стали размером с палец. Но яркие карандаши можно найти только на черном рынке в районе Каннареджо. Разумеется, этот рынок запрещен, но мне все равно.

– Семьяса высокий, – начинаю я. – Почти два метра. Лицо квадратной формы, рыжие волосы доходят до плеч.

Стар с нетерпением приступает к рисованию, а мы с Тицианом по очереди описываем ангелов. Когда эти существа только прибыли, мы думали, что все они выглядят одинаково, но это оказалось не так. Конечно, все они были неописуемо красивы, но даже в этой красоте встречались различия. Некоторые выглядели более мягкими, некоторые опасными и неприступными. Каждый ангел излучает разные эмоции. Они настолько прекрасны, что люди даже боятся на них смотреть. Ангелы со своими шестью крыльями обычно остаются на небе и не спускаются на землю. Только Серафиэль время от времени прилетает к нам, чтобы развлечь себя боями. Херувимы когда-то охраняли врата рая. Их избрали для этого неспроста. Я видела херувимов только пару раз, но они были действительно устрашающими. У них шесть огромных крыльев, и они никогда не появляются без своих огненных мечей. Один из тех, кого я видела, был с головы до ног покрыт шрамами. Явные признаки борьбы с Люцифером и его последователями. Бывают и другие ранги ангелов: троны, господа, те, кто представляет собой силу или власть… Но эти ангелы остались на небе. Архангелы со своими четырьмя крыльями и обычные ангелы похожи на нас больше всех, хотя они, разумеется, никогда с этим не согласятся. По их мнению, они венец творения, а мы сброд.

К счастью, вечером Тициан все-таки остается дома. Когда Алессио, у которого в распоряжении есть собственные две комнаты, приходит к нам, мы играем в карты и даже открываем бутылку отцовского вина. Ужин кажется мне чем-то вроде последнего приема пищи в жизни, и я рада, что никто не замечает моего страха перед завтрашним днем. По крайней мере, алкоголь утомляет меня так, что я засыпаю, лишь только моя голова касается подушки.

Глава III

– Мне надо идти, – тихо говорю я Алессио, проснувшись утром. Он только что вернулся со своего ночного дежурства в больнице. Выглядит усталым и измученным. Он никогда не рассказывает мне о больных, которых лечит, не говорит, сколько людей погибают на его столе, как бы он ни пытался спасти их. Возможно, юноша не хочет, чтобы я переживала еще и за него, но я все равно волнуюсь.

Стар и Тициан еще спят, а я уже натянула на себя вещи, которые обычно надеваю на бой. Черные брюки, черная майка и потертые сапоги. Вся эта одежда когда-то принадлежала моей матери. У меня такая же стройная фигура, как и у нее, но я никогда не надену ее яркие наряды. Их я с радостью отдала Стар. Брюки матери мне слишком длинны, но у Стар отлично получается перешивать вещи наших родителей так, чтобы они лучше смотрелись на нас. Я собрала свои волосы в настолько тугой пучок, что у меня болит лицо. Ничего в бою не может быть хуже, чем волосы, постоянно падающие на лоб. Я буду сражаться только в полдень, но уже сейчас подумываю о том, чтобы выдвигаться к собору. Я не могу просто так сидеть и ждать.

Мы с Алессио стоим на кухне, я отрезаю себе маленький ломтик хлеба от буханки и кладу на него кусочки помидора. Мое горло сковано страхом. Я с трудом проглатываю еду. Но с пустым желудком нельзя идти на поединок. Мне нужна энергия, если я хочу, чтобы у меня был хоть один шанс победить.

– Ты не можешь бороться, – говорит Алессио, замечая, как трясутся мои руки, – ты не выдержишь.

Он прав. Но у меня нет выбора. Я откладываю нож в сторону, сжимаю и разжимаю кулаки. Руки все еще дрожат.

– Я уже в списке, и, если не явлюсь на место сражения, Нерон бросится искать меня со своими сторожевыми псами.

Если имя есть в списке, это значит, что ты заключил серьезный договор. Договор, который ни в коем случае нельзя нарушать.

– Я могу пойти вместо тебя, – решительно говорит Алессио. – Останься здесь, а я сам с ним поговорю.

Он, и правда, думает, что я рассмотрю это предложение? Он не боец и не будет предлагать Нерону себя лишь для того, чтобы тот оставил меня в покое. Если бы я не вступила в спор с Нероном вчера, я бы не попала в эту ловушку. Искать замену правила не запрещают, но я не позволю Алессио выступать за меня. Если он умрет…

Я поворачиваюсь к юноше, чтобы наши взгляды встретились. Он на голову выше меня, и я смотрю вверх. Его серые глаза за стеклами очков беспокойно меня разглядывают. Он тоже напуган.

– Ты не будешь жертвовать своей жизнью ради меня. Но ты должен пообещать мне кое-что. Я хочу, чтобы ты присмотрел за Стар и Тицианом, если я не вернусь, – требую я. – Ты знаешь, где лежат деньги. Сильвио согласился доставить их в долину Аоста, когда мы соберем сумму. Ты должен пойти к нему и обговорить последние детали.

Теперь, когда Люцифер здесь, Стар и Тициан должны как можно скорее покинуть этот город. Алессио некоторое время молчит и внимательно изучает мое лицо, словно пытаясь запомнить каждую деталь.

– Если ты так хочешь этого, – говорит он, наконец смирившись, и крепко меня обнимает. – Хотел бы я, чтобы ты не была такой упрямой.

Я позволяю ему обнимать меня еще некоторое время, потому что не хочу уходить. Я бы с огромной радостью забралась в теплую кровать, где лежат брат и сестра. Тициан по ночам приходит спать к Стар, потому что ему снятся кошмары, и я иногда ревную их друг к другу, потому что они так близки. Но Стар куда терпеливее меня и поэтому прекрасно заменяет ему мать. Даже если Тициан пытается быть таким взрослым, для нас он все еще маленький мальчик, который нуждается в защите. Или мне кажется? Мне было тринадцать, когда убили отца. Мне нужно наконец свыкнуться с мыслью о том, что Тициан больше не маленький ребенок.

– Вы должны быть осторожны. Никто не должен узнать о наших планах, – говорю я Алессио, высвобождаясь из его объятий.

Будто он сам этого не знает! Мы уже не раз проигрывали этот сценарий. Только я никогда не представляла себе, что он ведет их на корабль контрабандистов

вместо меня.

– Мне трудно будет отправить их в это путешествие в одиночку, – прерывает меня Алессио. – Ты просто обязана вернуться.

Такой исход маловероятен.

– Ты должен поехать вслед за ними, когда соберешь денег на побег. Пожалуйста, Алессио! Все уже решено. Им нужно уехать прочь из этого города. – Я копошусь в своей сумке. От денег, которые я вчера заработала, осталось восемьсот лир.

– Ты можешь отложить остальные шестьсот лир? – спрашиваю я, и он, конечно же, кивает. Алессио много раз предлагал мне добавить своих денег на побег, но я каждый раз от них отказывалась. Теперь я не могу позволить себе гордость.

– Не забудь забрать книгу Стар, иначе она с ума сойдет во время путешествия, – поспешно говорю я. Какой бы простой ни казалась Стар, сестра может становиться достаточно непредсказуемой; когда что-то вокруг нее меняется, она начинает паниковать. Я хочу уйти раньше, чем Тициан и Стар проснутся. Я не хочу прощаться с ними, не хочу видеть их слез.

– Я обещаю тебе. Мы сделаем все так, как планировали, – говорит Алессио, он понимает, насколько это важно для меня. – Сконцентрируйся на поединке. Не волнуйся за них. Я не оставлю их в беде. Ты же знаешь это, верно?

Я киваю и в последний раз прижимаюсь к его груди.

– Спасибо, – шепчу. – Ты всегда был моим лучшим другом.

Алессио гладит меня по волосам.

– И останусь им. Ты вернешься. Я знаю это. Ты сильнее и умнее десяти ангелов, вместе взятых.

Я тихо смеюсь и хочу быть таким же оптимистом, как он.

– Мне пора идти. – С тяжелым сердцем я отрываюсь от него и запрещаю себе в очередной раз идти в комнату к брату и сестре, чтобы посмотреть на них в последний раз. Если сделаю это, я начну плакать, а мне нельзя. Я должна собрать всю свою волю в кулак, если хочу иметь хоть малейший шанс на победу в битве.

Я часами гуляю по улицам Венеции. Прохожу мимо покинутых, наполовину развалившихся домов, стены которых разрушены соленой водой каналов, гуляю по бесчисленным мостам, под которыми в солоноватой воде качаются сломанные лодки. Город медленно, но верно умирает но он все еще очень красив. По крайней мере, в моих глазах. Против воли ноги несут меня к «Ла Фениче»[14 - Театр «Ла Фениче» (итал. Teatro La Fenice, букв. «Феникс») – оперный театр, открывшийся в Венеции 16 мая 1792 г. В названии отражено то обстоятельство, что театр дважды поднимался, как феникс, из пепла – первый раз после пожара 1774 г. и второй после судебных баталий. Вновь горел в 1837 и 1996 гг., но каждый раз восстанавливался.]. На наш девятый день рождения отец отвел нас со Стар на спектакль «Травиата»[15 - «Травиата» (итал. La traviata – «падшая», «заблудшая», от глагола traviare – сбивать (ся) с пути) – опера Дж. Верди на либретто Франческо Мария Пьяве по мотивам романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями» (1848), поставленная в театре «Ла Фениче» в 2003 г.]. До того дня я никогда не слышала такой прекрасной музыки.

Когда я возвращаюсь на площадь Сан-Марко, я чувствую себя усталой и измотанной. Не из-за вчерашней битвы, но из-за чувств, которые не могу контролировать. Страх, гнев и грусть овладевают мной, но мне нельзя этого допускать. Сейчас мне трудно поддерживать свое эмоциональное состояние в норме. Все-таки я только что попрощалась со своим городом.

Нерон предательски улыбается, заметив меня среди остальных бойцов. Он наверняка думает, что сегодня я выхожу на арену в последний раз; мужчина явно не единственный, кто так считает. Солнце безжалостно светит нам в лица. Рука, которой я держу меч, дрожит, и я окидываю взглядом других ожидающих своего часа мужчин и женщин. Я задумываюсь о том, что происходит у них в головах. Некоторые выглядят расстроенными, другие не теряют воинственный настрой, какая-то женщина плачет и машет кому-то. Я замечаю мужчину, который держит девочку на руках. Это Кьяра. Она учится в одном классе с Тицианом. Я видела ее пару раз с тех пор, как Консилио в прошлом году решил снова открыть школы. Все дети в возрасте от семи до четырнадцати лет должны ходить в школу, чтобы получать там свою порцию промывки мозгов. Я стараюсь

общаться с Тицианом, чтобы не допустить этого. Кьяра симпатичная маленькая девочка с рыжими локонами, и Тициану она нравится. Рука ее отца перевязана, что, вероятно, и является причиной того, что не он сегодня сражается на арене.

Откуда-то слышится барабанная дробь, дающая понять, что ворота сейчас откроются. Уже здесь я слышу знакомые крики толпы. Мне нельзя выпускать свой страх наружу, они не должны видеть, как он велик и как неуверенно я себя чувствую. Я ненадолго закрываю глаза, стараясь сосредоточиться. Мне нужно срочно отогнать эти мысли прочь, если я хочу уйти отсюда живой. Бойцы выстраиваются в одну линию и шагают мимо руин собора к арене. Мой взгляд бегает от трибун к ложам ангелов. Семьяса валяется в кресле, и я радуюсь, что сегодня мне не придется сражаться с ним. Его обслуживает полуобнаженная девушка, которой он бессовестно улыбается. Если бы я оказалась на ее месте, я бы плеснула ему бокал вина прямо в лицо. Как она только может спокойно на это реагировать?! Я лучше буду сражаться здесь, внизу, чем встану на колени перед ангелом. Возможно, она верующая и считает, что ангелы обходятся с людьми справедливо. Рафаэль общается с Каэтелем, принцем серафимов. Я узнаю Элоа, одну из женщин-ангелов, время от времени покидающую небесные дворы, чтобы развлечься на земле. Других ангелов я не знаю, хотя видела некоторых из них уже пару раз. Они вообще не интересуются тем, что происходит внизу: вместо этого они болтают, смеются и приказывают людям чистить их крылья. Надеюсь, кто-нибудь из слуг однажды осмелится выдернуть из них пару перьев. Говорят, это больно. Но никто, конечно же, никогда этого не сделает.

Барабанная дробь умолкает, и я занимаю боевую позицию. Мать Кьяры стоит недалеко от меня. Она выглядит смертельно бледной. Мне непонятно, почему она вообще здесь. Если бы я делала ставки, как толпа, наблюдающая за нашими смертями, я бы сказала, что она будет первой, кто погибнет сегодня. Она совсем не воительница.

Я поднимаю свой потрепанный щит и побитый меч – подарки моей матери на пятнадцатый день рождения, и передо мной на землю опускается чья-то тень. Сам Люцифер стоит напротив меня. Черная рубашка, черные брюки, нелепая черная накидка. Если бы я сейчас была в состоянии шутить, сказала бы, что мы с ним надели парные наряды. Но я презрительно фыркаю, а душа уходит в пятки. Теперь я понимаю, почему он вчера вмешался в мою ссору с Нероном. Он положил на меня глаз. Ему не понравилось, что его закадычный друг Семьяса не смог убить меня вчера. Тени, окружающие его, на мгновение растворяются в

воздухе, и я вижу его бесчувственное лицо. Как можно быть таким холодным? Я уверена, мой страх заметен издалека. Думаю, он может его даже учуять. Раньше такие проблемы решал дезодорант, но эти беззаботные времена давно прошли. Я воняю, как носок. Адреналин, который вырабатывает мое тело, сочится из каждой поры. Звучат фанфары, и Люцифер шагает в мою сторону, его меч ударяется о мой, и я чуть не роняю его из-за мощного удара, я чувствую надвигающийся паралич. Не нужно было его отражать? У меня так или иначе нет ни единого шанса.

– Сражайся! – приказывает Люцифер низким глубоким голосом. Он хочет видеть мою смерть, и ему не придется для этого сильно стараться.

Мои ноги онемели, руки стали потными и липкими, но я все равно следую его приказу и наношу ответный удар. Я забываю обо всем вокруг себя, пытаюсь работать автономно. Удар за ударом. Лязг металла отзывается в моих ушах. Я пытаюсь его уколоть или ударить, кружусь, отпрыгиваю в сторону. Мать хорошо меня натренировала, но Люцифер безжалостно наступает. И вот он наносит удар по моему щиту, который в следующее мгновение взлетает высоко над ареной. Толпа вскрикивает. Этот поединок кажется мне вечным, но скорее всего с момента начала прошло всего несколько минут. Я вижу раненых и мертвых на земле. Мой щит лежит очень далеко от меня, но чья-то нога толкает его в мою сторону так далеко, что я почти могу его коснуться. Я поднимаю голову и смотрю в голубые глаза Кассиэля. Это был он. Но прежде чем я могу прыгнуть и схватить щит, я слышу голос Люцифера.

– Смотри на меня! – шипит он.

Почему он вообще дает мне время одуматься?!

– Ты сражаешься со мной!

Я хватаю меч обеими руками. Без щита у меня нет никаких шансов против повелителя тьмы, но я не сдамся без боя. Не на ту напал! Я уже с утра знала, что умру, но я не позволю убить себя так просто. Я успокаиваюсь, поднимаю меч вверх, тем самым открываясь для удара. Возможно, мне показалось, но я замечаю благодарную улыбку на лице Люцифера, когда нападаю на него. В этот раз я наношу удары, а он отбивается. Ангел отражает мои атаки вполсилы, но все же отступает назад на пару шагов. Я чувствую эйфорию, разгорающуюся

внутри меня. Еще удар, а за ним другой.

Я. Не. Позволю. Ему. Меня. Убить.

Эти слова пульсируют в моем туманном сознании. Следующие мысли появляются только тогда, когда боль пронзает мою левую руку. Я выдыхаю. Кровь течет по короткому рукаву майки. Силы куда-то испаряются. Вот и всё. Знакомый металлический запах крови ударяет мне в нос, начинает кружиться голова.

– Люц! – чей-то крик заглушает рев толпы.

Люцифер отводит от меня взгляд, стиснув зубы. Наверное, он думает, что я могу упасть на колени в любую секунду, и он сразу же нанесет мне последний удар. Не с той связался! Я хватаю свой меч правой рукой и вкладываю всю свою силу в последний удар. За спиной Люцифера появляется Кассиэль, который одобрительно мне кивает. В момент, когда я наношу удар, Люцифер оборачивается, кидает меч наверх, и меня отбрасывает в сторону волной его гнева. Звучит удар гонга.

Я, тяжело дыша, все еще стою на четвереньках. Кровь стекает по моей левой руке, и я смотрю, как она утопает в песке.

– Черт возьми, Касс! – Люцифер кричит на ангела, который спас меня во второй раз. – Что это вообще такое?

Мне тоже интересно. Но ответа нет. В ушах все еще шум штормового моря.

Люцифер опускается на корточки рядом со мной, поднимает руку, будто пытаясь меня успокоить, но тут же опускает ее.

– Ты сражалась храбро, – говорит он. – Возьми у Нерона де Луки гонорар за битву без щита и больше здесь не появляйся. В следующий раз тебе повезет меньше, – добавляет он, выдержав паузу.

Как только понимаю, что он сказал, я поднимаю на него взгляд. Он уже окутан тенями. Это было предупреждение или угроза? Я не уверена, но мысль о том, что я стану счастливой обладательницей пяти тысяч лир, заставляет меня забыть о

боли в руке. Кто бы мог предположить, что этот день окажется таким счастливым для меня. Я все еще жива и заработала больше денег, чем когда-либо. Я могу отдать одну часть гонорара Тициану и Стар с собой, а другую отложить на свой собственный побег. Я опираюсь на меч, чтобы встать на ноги. Чья-то рука хватает меня за здоровое предплечье: Кассиэль помогает мне подняться.

– Почему ты это делаешь? – тихо спрашиваю я, стряхивая песок с брюк. – Почему ты мне помогаешь? – Я выдергиваю свою руку из его хватки. Не хочу быть должной ангелу, тем более не хочу подпускать его к себе так близко.

– Мы не все монстры, как вы думаете, – тихо отвечает он. Ангел убирает со лба голубоватые пряди и беспокойно смотрит на порез на моей руке. – Выглядит не очень хорошо.

То, что только что произошло, теперь кажется мне абсолютно нереальным. Если бы Люцифер хотел меня убить, он бы сделал это двумя ударами меча или одним взмахом своих крыльев. Но вместо того чтобы лежать мертвой на песке, я получу пять тысяч лир за свой бой.

Люцифер пристально смотрит на Кассиэля, который все еще поддерживает меня. Его губы искривляются в ехидной усмешке.

– В одном Люцифер точно прав, – говорит Кассиэль. – Лучше не возвращайся сюда.

– Почему? – Он запутал меня еще больше. Мое дыхание сбилось, рука болит, и я так хочу пить, что могла бы опустошить целую бочку с водой. Кассиэль, будто прочитавший мои мысли, отстегивает от пояса бутылку и передает ее мне.

Я в ужасе мотаю головой. Не могу принять воду от ангела.

– Она не отравлена, – объясняет Кассиэль с хитрой улыбкой. – Пей, или ты сейчас в обморок упадешь. Я не понимаю, почему вы вообще идете сражаться в такую ужасную жару.

– Не я все это придумала. – Я неуверенно беру бутылку и глотаю воду. Она холодная и очень вкусная.

Кассиэль тихо смеется:

– Только медленно, иначе тебя сейчас стошнит.

Ну нет. В этой воде явно был сахар или мед. Точно что-то сладкое. Я уже не помню этого вкуса. Я отдаю ему бутылку только тогда, когда она уже опустошена, и даже не прошу прощения за жадность. Он сам виноват, что предложил мне воду, а там, где он ее набрал, ее наверняка еще более чем достаточно.

– Большое спасибо.

Мне сразу же становится лучше. Сахар что-то делает с моей головой. Я чувствую себя будто немного пьяной и с трудом сопротивляюсь навязчивому желанию захихикать.

– Без проблем. Тебе она гораздо нужнее, чем мне.

Он смеется надо мной? Во время битв речь идет о жизни и смерти. Для ангелов это будто какая-то простая тренировка. Он, наверное, прочел недовольство в моих глазах и поэтому успокаивающе поднял руки.

– Я вообще не о том, о чем ты, возможно, только что подумала. Ты просто выглядела как человек, который очень хочет пить, – добавляет он удивительно мягко.

– Все верно, – шепотом отвечаю я. Я не могу поверить, что разговариваю с ангелом. О воде.

– Извини, что я выпила все, что было.

На его лице появляется улыбка:

– Я могу полететь обратно и взять еще.

Теперь мне, правда, становится смешно. Это очень странный ангел. Разве ему неизвестно, что люди и ангелы обычно вообще не разговаривают друг с другом и определенно не делятся водой? Вдруг я понимаю, что мы все еще стоим посреди арены. Нас окружают другие бойцы, которые пытаются прийти в себя. Два ангела что-то обсуждают рядом с трупом, а люди выносят на носилках умерших и раненых.

– Мне пора, – резко говорит Кассиэль. – Ты справишься сама?

Мое лицо в этот момент, наверное, похоже на один большой вопросительный знак. Почему его вообще это беспокоит? Остальные ангелы толкнули бы меня в песок, чтобы освободить место для размаха крыльев.

Когда я киваю, он отталкивается от земли и взмывает вверх. Его крылья еле заметно движутся. Будто он просто стоит в воздухе. Когда Кассиэль оказывается в трех метрах надо мной, он машет мне рукой на прощание. Это просто абсурд. Я ничего не могу с собой поделать и улыбаюсь ему в ответ. Оставшаяся в живых часть здравого смысла мешает мне помахать ему вслед. Его лицо приобретает еще более счастливое выражение, и он наконец улетает. Ангел элегантно приземляется на верхней трибуне. Семьяса встает с кресла и ударяет его по плечу. Наверняка сейчас Кассиэль будет выслушивать от него упреки в том, что он спас меня во второй раз. Я возьму свои деньги и исчезну отсюда. Только сейчас я слышу, что зрители на трибунах выкрикивают мое имя.

– Мун! Мун! Мун! – отзываются эхом их голоса.

Судя по всему, я превратила бой с Люцифером в отличный спектакль, и они еще не скоро его забудут. Иногда я задумываюсь о том, кто все-таки настоящий монстр сейчас. Неужели люди забыли обо всей боли, которую причинили нам ангелы? В Венеции не осталось ни одной семьи, которая не потеряла хотя бы одного родственника во время резни на улицах. Неудивительно, что ангелы презирают нас. Когда я направляюсь к выходу, другие бойцы держатся от меня подальше. Я всего лишь хочу забрать свои деньги и уйти домой. Я не буду возвращаться сюда как минимум три недели. Я опускаю взгляд в пол, обхожу пару колонн, руины собора и вдруг спотыкаюсь обо что-то. Это мать Кьяры. Я узнаю ее по рыжим локонам, несмотря на то что они в крови и грязи. Она выглядит очень плохо. Лицо изранено, а тело покрыто кровью. Глаза закрыты, а кожа стала неестественно желтой. Гробовщики заберут ее и похоронят где-

нибудь в лагуне. Пока я смотрю на нее, размышляю, ждет ли ее семья снаружи в надежде встретить живой, и замечаю, как ее ресницы дрожат. Она должна была умереть. Я не могу сосчитать количество ран, которые ей нанес противник, но я не в силах оставить ее здесь просто так, поэтому я усаживаю ее в песок рядом с собой и беру ее за руку. Она хватает мои пальцы удивительно крепко и шевелит обветренными и сухими губами.

– Нельзя умирать, – бормочет она, когда я придвигаюсь к ней поближе. – Пожалуйста.

Я понимаю, что она имеет в виду. Только бойцы, покинувшие стены атриума живыми, получают свой гонорар. При этом они часто умирают, пройдя пару метров за воротами. Я осматриваюсь в поисках носильщиков, которые выносят мертвых из собора Сан-Марко. Когда замечаю двоих, я подпрыгиваю и врезаюсь в них. Возможно, моя потеря крови дает о себе знать. Не надо было запрещать Алессио приходить сюда: он смог хотя бы помочь мне с матерью Кьяры.

– Там лежит женщина, – объясняю я носильщикам. – Ее нужно вынести. Она еще жива, – говорю я настолько уверенно, насколько могу. – Нам нужно поторопиться.

– Сто лир, – говорит один из мужчин. – Каждому из нас.

Я делаю глубокий вдох и киваю. Если бы я не знала женщину, мне было бы плевать. Но я не могу прийти домой и сказать Тициану, что оставила мать его подруги умирать. Носильщики тоже пытаются прокормить свои семьи, поэтому я стараюсь не считать их бессердечными.

– Хорошо.

Мы возвращаемся, и я с облегчением вижу, что глаза женщины все еще открыты, а ее грудная клетка заметно опускается и поднимается.

Мужчины осторожно кладут ее на носилки, и она морщится от боли. Мне кажется, что они все же идут слишком быстро. Вероятно, у них куда больше опыта в вопросе транспортировки раненых, чем у меня, и они знают, как боец может получить свои деньги. Мы останавливаемся около Нерона, который бросает презрительный взгляд на женщину и на меня. Он дает мне ее гонорар, а

вместе с ним и мой, без пререканий. Мне становится так тепло от счастья, что я даже улыбаюсь ему и кладу пачку банкнот в свой карман.

У входа нас ожидает толпа. Эти люди, судя по всему, уже слышали о моем поединке, потому что некоторые из них хлопают меня по спине и поздравляют. Я оглядываюсь в поисках Кьяры и ее отца, пока носильщики нетерпеливо переступают с ноги на ногу. Им нужно возвращаться на арену и работать, пока не объявили следующий раунд.

– Суна! – Голос заглушает все крики вокруг меня. – Суна!

Люди дают Кьяре с отцом пройти. Малышка плачет, и я смотрю на мужчину, который с трудом сдерживает слезы. Он опускается на корточки рядом со своей женой, которую носильщики положили на землю, и прижимается к ней лбом. Его тело вздрагивает, и все внутри меня сжимается от сочувствия. Я не знаю, откуда у нее на это остаются силы, но она кладет свою руку на его шею, будто пытаясь успокоить его. Я беру Кьяру на руки, и девочка благодарно прижимается ко мне. Горожане, стоящие вокруг, к счастью, теряют интерес к этой драме и расходятся. После боев таких сцен у арены всегда достаточно, но я еще никогда не была их частью. Меня не радуют чужие страдания. Я бы охотно ушла прочь отсюда, но сейчас я не могу оставить девочку, и мне хочется позволить ее матери и отцу спокойно попрощаться друг с другом. Любой, кто не слеп, видит, как эти двое любят друг друга. Такая вещь, как любовь, в моем мире встречается нечасто. Из моих глаз текут слезы, когда я понимаю, что Кьяре придется расти без матери. В день, когда моя мать исчезла, я стала взрослой. Она была не самой любящей матерью на земле, но тем не менее она оставалась рядом, пока не ушла.

– Я могу попытаться спасти ее, – раздается голос за моей спиной. Пьетро Андреаси стоит позади нас.

Я впервые так рада видеть мужчину и приветствую его объятием. Как обычно, на его шее болтается стетоскоп. Когда я была ребенком, мне казалось, что он уже врос в его кожу.

– Боюсь, даже ты не сможешь этого сделать, – говорю я с сожалением. – Каждый сантиметр ее тела изранен.

Он садится на корточки рядом с женщиной и касается ее лба. Когда он ощупывает ее тело, она вздрагивает.

– Не сомневайся в моих способностях. Многие раны поверхностные, но, я боюсь, у нее есть внутренние кровотечения. Холодный пот и боли в животе. Вероятно, повреждена селезенка. Мы должны прооперировать ее как можно скорее.

– Думаешь, у тебя получится?

Его слова звучали так убедительно, что я обретаю надежду.

– Стоит попробовать – так мы вырвем очередную жертву из лап ангелов. – Его худое лицо хорошо мне знакомо. Раньше он часто приходил в нашу библиотеку. Сегодня я время от времени встречаю его в городе. У него много дел, но он периодически спрашивает меня о здоровье Стар и успехах Тициана в школе.

Отец Кьяры неуверенно встает на ноги, его щеки еще мокрые от слез, но глаза сияют надеждой.

– Сколько это будет стоить? – спрашивает он, и я отдаю ему деньги, которые заработала его жена.

– Четыре тысячи, – говорит Петро, не задумываясь. – Самое дорогое – это наркоз, но ей он просто необходим, чтобы не чувствовать боли.

Проблеск надежды в глазах мужчины исчезает.

– У нас нет четырех тысяч. – Его голос ломается. – Наш младший сын остался дома с моей матерью. У него температура, поэтому Суна пошла сражаться сегодня.

– Я не могу принять ее бесплатно, – мягко отвечает Пьетро. Он наверняка покупает большинство медикаментов на черном рынке, а это дорого. Я вижу сожаление в его глазах. Его волосы стали еще белее, чем раньше, а щеки впали так, будто он голодает. – Мне очень жаль.

– Я могу отработать долг, – поспешно говорит мужчина. – Когда заживет моя рана.

Пьетро поджимает губы, и я вижу, как ему тяжело отказывать отцу двоих детей.

– А что, если ты умрешь во время следующего боя? Ты хочешь, чтобы твоя жена снова пошла на арену, чтобы вернуть долги? Один из вас должен оставаться с детьми. Она не воительница.

Как бы жестоко это ни звучало, Пьетро был прав. Он не мог допустить того, чтобы дети потеряли обоих родителей, даже если виноваты в этом будут только ангелы. Они заставили нас мириться с такой жизнью, поэтому я так их ненавижу. Никто не должен решать проблемы такими методами.

– Я заплачу?, – вмешиваюсь я и, прежде чем я успеваю хоть сколько-то поразмыслить об этом, достаю из кармана четыре тысячи лир. Мне хватит и оставшихся денег. У меня, за вычетом того, что я отдала носильщикам, остается еще восемьсот лир. Но я не смогу жить дальше, зная, что даже не попыталась спасти Суну. Я даю деньги врачу.

– Бери уже.

Он смотрит на меня с сомнением. Он явно на это не рассчитывал, и я знаю, что теперь ему совестно. Но уже поздно.

– Ты уверена? – спрашивает он.

– Да, уверена. Пожалуйста, прооперируй ее. Если от этих денег что-то останется, отдай Алессио.

Он кладет руку мне на плечо.

– Ты хорошая девочка, – говорит он. – Твой отец гордился бы тобой.

Я не могу ничего на это ответить. Возможно, он прав. Моя мать, правда, отругала бы меня за мою неразумность.

Пьетро машет мужчинам, слоняющимся неподалеку, и приказывает им принести носилки.

– Твоей матери скоро станет лучше, – обещаю я Кьяре. – Пьетро позаботится о ней, и я приду ее навестить.

Я молча наблюдаю за тем, как Суну снова кладут на носилки. Мужчина благодарно кивает мне, прощаясь, а Кьяра обнимает меня за талию. Надеюсь, это не было самой большой ошибкой в моей жизни. Я отдала почти незнакомой женщине четыре тысячи лир. Если бы я оставила эти деньги себе, я могла бы последовать за братом и сестрой намного быстрее.

Глава IV

Когда я прихожу домой, Феникс Бертони уже стоит у входа. Он регулярно заходит к нам, чтобы уговорить меня приютить его банду у нас. Я слишком устала, чувствую себя разбитой и переживаю о том, что только что совершила огромную ошибку. Только ссор мне еще сегодня не хватало.

– Что тебе надо? – говорю я.

Его глаза вызывающе блестят:

– Ты же все знаешь сама.

– Забудь об этом! – кричу я.

Обычно я веду себя с ним более осторожно, но сегодня мое терпение закончилось. Тупее, чем то, что я совершила, быть уже ничего не может. В наше время выживает только тот, кто в первую очередь думает о себе. Почему меня вообще так беспокоила судьба матери Кьяры? Мы с братом и сестрой тоже давно живем без родителей. Не знаю, стоит ли рассказывать об этом Алессио, Стар и Тициану.

– Я не люблю ставить ультиматумов… – прерывает Феникс мой полет мысли. – Но скоро у меня не останется другого выбора. Мне и моим парням нужно где-то жить. В Сан-Поло[16 - Сан-Поло (итал. San Polo) – один из шести исторических районов Венеции. Расположен в центре, между районами Сан-Марко и Санта-Кроче.] уже небезопасно. У вас есть достаточно места для нас, и мы сможем вас защищать…

– Только через мой труп! – кричу я, не думая, и он сразу же поднимает брови. Парень последний, кому я позволю защищать моих брата и сестру. Наверняка городская стража уже давненько за ним приглядывает.

– Это не может длиться вечно. Люцифер чуть не убил тебя сегодня, если моя информация верна. – Его голос звучит холодно, почти как у ангела. – Возможно, я подожду еще пару недель, но потом заберу библиотеку себе. Я даже не знаю, почему пытаюсь тебя переубедить. Тебе нужна моя защита. Ты живешь там с немой девочкой, младшим братом и книжным червем.

Мы оба знаем, почему он пытается переубедить меня вместо того, чтобы просто взять то, что хочет. У Феникса Бертони, плохого парня из венецианской банды, есть одна слабость, и это моя сестра. Он никогда не сделает того, что может ее разозлить.

– Ради бога. Делай, что хочешь.

Феникс кивает и напрягает все свои мышцы. Он высокий и подтянутый. Он явно мог бы сражаться на арене, но я никогда его там не видела. Ему это не нужно. Парень получает вещи, которые хочет, другими способами. Я делаю шаг назад, но он сует мне в руку какой-то маленький пакетик.

– Это для Стар, – бормочет он. – Передавай ей от меня привет.

Он разворачивается и быстро уходит прочь с площади Сан-Марко.

Я качаю головой. Все время, что я знаю Феникса, он кажется мне какой-то загадкой. Поступки парней вроде него обычно прозрачны, как стекло. Я знаю, что находится в этом пакетике. Кроме чтения и письма у Стар есть еще один способ времяпрепровождения: она любит собирать красивые мозаики из осколков муранского стекла[17 - Муранское (венецианское) стекло – стекло,

изготовленное по старинным технологиям, возникшим на острове Мурано близ Венеции.]. В бывшем бальном зале библиотеки она хранит картины, которые из года в год становятся все больше. Наш отец был первым, кто стал приносить ей осколки, а Феникс – единственный, кому моя сестра разрешает трогать ее стекляшки и сидеть рядом с ней, когда она занимается мозаикой.

Нам было семь, когда Феникс впервые появился в нашей жизни. Тогда ему уже было одиннадцать, и я немного завидовала хорошим отношениям Стар и оборванца, которого избивал собственный отец. Феникс уже тогда стал человеком, которому стоило держаться подальше от моей сестры. С тех пор ничего не изменилось. Он все детство был злым и дрался со всеми. Только со Стар он был другим, рядом с ней он становился мягким.

Я думаю, что он готов умереть ради нее. Только поэтому я время от времени разрешаю ему приходить к нам в гости, надеясь, что он не будет злоупотреблять моим добрым расположением. Когда ангелы прибыли, он собрал банду бродяг, готовых пойти на все, чтобы выжить. Факт того, что он пытается убедить пустить его и ребят в дом, меня не устраивает. Ведь мы не хотим, чтобы слишком много людей узнали о существовании моей сестры. Все должны думать, что она исчезла вместе с матерью. Я вздыхаю. Конечно, я отдам Стар эти осколки, которые стали теперь не менее ценными, чем золото. Даже на соседних островах уже не осталось стеклодувов. Интересно, как Феникс вообще раздобыл такой подарок. Думаю, он вполне мог залезть в дом какого-нибудь богатого члена совета и украсть вазу или что-то вроде того, только чтобы принести Стар радость. Если он будет и дальше продолжать этим заниматься – не успеет оглянуться, как окажется в темнице.

* * *

Я устало поднимаюсь по ступенькам в дом, надеясь, что Алессио удалось удержать Тициана дома. Когда Феникс рядом, его парни обычно тоже где-то неподалеку, и я всегда боюсь, что Тициан попадет в их лапы. Он сейчас как раз в таком возрасте, когда восхищаются смелостью и жаждой риска. Ангелы, может, и установили власть над людьми, но это не значит, что законы больше не действуют. Консилио непрестанно следит за тем, чтобы они соблюдались. Даже незначительные преступления караются лишением свободы или даже смертной казнью. Говорят, на материке есть даже исправительные лагеря, в которых осужденные должны работать, пока не умрут. Это только слухи, потому что

никто оттуда не возвращался, но мне они кажутся вполне реальными, и я никому не позволю забрать у меня Тициана.

Я несу за него ответственность. К сожалению, он думает иначе. К счастью, на прошлой неделе снова начались занятия в школе, и, хотя в ней вместо биологии и физики теперь преподаются всякие тупые предметы вроде истории творения, географии путешествия ковчега, Енохийского алфавита, магии слова и геометрического значения пентаграммы, я все равно рада, что он учится вместо того, чтобы шататься по улице в утренние часы.

Стар сидит на потертом диване в большой комнате, которая одновременно служит гостиной и коридором. Много столетий назад эта мебель, по легенде, принадлежала императрице Сиси[18 - Герцогиня Амалия Евгения Елизавета Баварская (1837–1898) – баварская принцесса, супруга императора Франца Иосифа I. Императрица Австрии с 1854 г., королева-консорт Венгрии с 1867 г. Известна под уменьшительно-ласкательным именем Сиси, которым ее называли родные и друзья.], которая принимала гостей, сидя на этом диване. Сегодня на нем сидит Тициан, задрав наверх свои грязные ноги, и грызет ногти. Когда он видит меня, я замечаю, как на его детском лице вырисовывается выражение облегчения.

Алессио двигает свой стул, выбираясь из-за стола, встает на ноги и, сделав пару шагов, оказывается рядом со мной. Он обнимает меня и целует в лоб. Я устало прижимаюсь к нему. Я никогда не говорила ему о том, что мне нужны его объятия, особенно в такие тяжелые моменты. Но он и сам все знает. Некоторое время он просто держит меня.

– Я так рад, – тихо говорит он. Когда юноша отстраняется, то замечает кровь на моем лбу и брюках.

– Ты ранена?

Я качаю головой, хотя порез на руке все еще пульсирует. Рана оказалась не такой глубокой, как я думала.

– Большая часть крови не моя. Там была женщина, мне пришлось о ней позаботиться…

Словно хищная птица на свою жертву, на меня нападает чувство вины. Я оставила свою семью в беде, и я не осмелюсь сказать Тициану, что это была мать Кьяры. Может, чуть позже.

– Что случилось? – любопытно спрашивает Тициан. – С кем ты сражалась?

– С Люцифером, – тихо говорю я, и мой брат с Алессио с шипением втягивают воздух.

Стар сжимает платок в руке. Она замерла в неестественном положении и даже не смотрит на меня.

– Люцифер… – повторяет Тициан. – И ты все еще жива.

Алессио качает головой.

– Это было очень тяжело, – говорю я так тихо, что только мой друг меня слышит.

Он нежно гладит меня по волосам:

– Хочешь пойти помыться и съесть что-нибудь, прежде чем ты нам все расскажешь?

Я киваю и мысленно благодарю его за то, что могу провести несколько минут наедине с собой перед тем, как рассказать домашним обо всем, что произошло.

– Что-что ты сделала? – Голос Тициана слишком тонкий от негодования. Конечно, он этого не понимает. Я и сама этого не понимаю.

Алессио занимается моей раной, втирает мазь мне в руку, и она щиплет так, что я вздрагиваю, когда мой друг закрывает порез бинтом.

– Женщина бы умерла, если бы я не помогла ей, – пытаюсь я объяснить свои действия.

Тициан скрещивает руки на груди:

– Наш отец тоже мертв.

Я знаю, что он имеет в виду не совсем то, что говорит. Тем не менее меня пугает холодность его слов. Я ведь размышляла примерно о том же. Но Тициан не должен вырасти мужчиной, который будет думать только о себе. Я должна постараться не допустить этого.

«Если мы не будем помогать друг другу, – жестами изъясняется Стар, – от нашей человечности совсем ничего не останется. Мун сделала все правильно».

Я бесконечно благодарна ей за эти слова, потому что сама до сих пор сомневаюсь в правильности своего поступка. Сестра садится рядом со мной и гладит по влажным волосам. Отец объяснил мне, что поведение Стар похоже на поведение людей с синдромом Аспергера, но отсутствием эмпатии она не отличается, и ее слова – лучшее тому доказательство.

– Это была мать Кьяры, – говорю я, прежде чем Тициан продолжит спорить со мной дальше. Это словно выбивает почву у него из-под ног. Он очень скучает по матери и, я уверена, не желает такой же судьбы своей подруге.

Он открывает рот, но снова его закрывает.

– Почему ты сразу этого не сказала? – спрашивает он мгновением позже.

– Потому что не важно, знаешь ты человека или нет, если он нуждается в помощи. Мы и так со всем справимся, – продолжаю я. – Денег, которые у нас есть, хватит на побег. Ты не должен переживать на этот счет. Контрабандисты выходят в море только тогда, когда совсем темно, поэтому в следующее новолуние вы покинете город.

Глаза Тициана округляются, и он быстро качает головой.

– Нет! Я не уеду из Венеции без тебя! Или все вместе, или никто.

Алессио заканчивает обрабатывать рану, и я надеваю пуловер на футболку. Мне вдруг становится холодно.

– Мы уже обсуждали это тысячу раз, – устало говорю я. – Чтобы заработать еще двадцать тысяч лир, мне понадобится целая вечность. Ты должен доставить Стар в безопасное место. – Я пытаюсь обратиться к его чувству ответственности, хотя и не совсем справедливо навязывать его ему. Но у меня не остается другого выбора. Губы брата дрожат. Мы должны общаться с ним как со взрослым, но еще никогда мне не было так тяжело требовать от него взрослых решений.

– Ты справишься с этим, я знаю.

– Но где мы будем жить, когда окажемся там?

– Сильвио доставит вас в долину Аоста. Ему мы за это и платим, там вы будете в безопасности.

– А куда конкретно он нас доставит? – смотрит он на меня, прищурившись.

– Только контрабандисты знают, где именно находится пещерный город, – говорю я, хотя он сам прекрасно все знает. Это и есть слабое место моего плана, и Тициан каждый раз пытается надавить на него, когда я затрагиваю тему побега. Я расчесываю волосы. В поисках поддержки я смотрю на Алессио, но с его стороны ее сложно ожидать, потому что он относится к плану так же скептически, как и остальные члены моей семьи. Может, это я слишком упрямая, раз так цепляюсь за эту идею?

«Поговорим об этом в другой раз», – мягко говорит Стар. Она аккуратно распаковывает подарок Феникса, и сияние ее глаз заставляет меня чувствовать себя еще более виноватой. Феникс – еще одна причина, почему я хочу вывезти ее из города. Что бы он ни чувствовал к моей сестре, он все равно в первую очередь будет думать о себе. Я не хочу, чтобы он разбил ей сердце.

Остаток дня Тициан избегает меня. Когда я, поспав пару часов, выхожу из своей комнаты, его нигде нет, и к ужину он тоже не спускается.

«Он придет. – Стар пытается меня успокоить, разрезая свою еду на маленькие кусочки, сегодня это меня раздражает. – Дай ему немного времени».

Мне очень хочется выбежать на улицу и броситься его искать, но сестра права. Кроме того, когда они уедут, я больше не смогу постоянно его защищать. Брату нужно научиться нести ответственность за себя самого.

После ужина мы со Стар играем в карты. В отличие от меня сестра абсолютно спокойна. Когда Тициан возвращается домой, я открываю дверь, смотрю, не ранен ли он, а затем отправляюсь в свою комнату. Я бы с радостью наорала на него, чтобы он хоть иногда задумывался о моих чувствах, но мне уже ни на что не хватает сил.

Чуть позже я слышу, как в дверь кто-то стучится, и Тициан заходит в мою комнату.

– Я не хотел, чтобы ты переживала за меня, – говорит он, присаживаясь рядом со мной на кровать. – Я был в больнице с Кьярой.

Мое сердце тает, когда я слышу это. Почему я вообще думала о том, что он может стать эгоистичным ублюдком?

– Как дела у ее матери?

– Пьетро все еще оперирует ее.

– Уверена, Кьяра была очень рада, что ты к ней зашел.

Его лицо становится менее серьезным, и он кивает.

– Я держал ее за руку, – говорит он, раскрасневшись.

Я провожу рукой по его волосам:

– Ты все правильно сделал.

Я так хочу его зацеловать, но сдерживаю себя.

– Я с тобой, – говорит Алессио, когда на следующий день я сообщаю ему, что хочу пойти к Суне и выяснить, как у нее дела. – Пьетро будет только рад, если я приду чуть раньше.

После завтрака Стар погружается в свою мозаику, а Тициан собирается пригласить Кьяру поесть мороженого после школы. Он просит у меня денег сегодня утром, и, хотя мороженое в наше время – роскошь, я не могу ему отказать. Теперь я не знаю, что мне делать, как и всегда, когда меня покидает напряжение после дня на арене: в этот раз у меня было целых два.

Я отодвигаю наш диван в сторону, чтобы убраться под ним. Пыль щекочет нос, и я чихаю.

– Ты не должен этого делать, – отвечаю я Алессио. – Лучше отдохни еще немного. Ночные дежурства очень изматывают.

Судя по рассказам Тициана, операция прошла удачно. Тем не менее я хотела собственными глазами увидеть Суну и убедиться в том, что пожертвовала им деньги не зря.

Алессио помогает вернуть диван на место. Стар не терпит изменений в обстановке, даже самых маленьких.

– Мне надо обсудить кое-что с Пьетро. Ночью мы совсем не успеваем поговорить, – добавляет он, когда вся мебель стоит на своих местах.

– Что случилось? Ты заболел? – По моей спине пробегают мурашки.

– Со мной все хорошо, – объясняет он, улыбаясь. – Обо мне можешь не беспокоиться. Но вчера до меня дошли слухи о предстоящих терактах. – Улыбка исчезает с его лица, сменяясь непривычным гневом в обычно дружелюбном взгляде.

– Предстоящие теракты? – спрашиваю я.

– Говорят, Братство планирует что-то новое, – подтверждает Алессио.

Братство Света, или Орден Посвященных. Так они себя называют. Эти люди считают своей целью уничтожение ангелов. Конечно, им это не удается, поэтому с каждым разом те становятся все более жестокими. Во время прошлого теракта на рыбном рынке, который они устроили, чтобы убить одного из членов совета, погибло множество невинных горожан. Уже при упоминании названия их организации у меня на голове волосы дыбом встают.

– Почему ты думаешь, что Пьетро что-то знает об этом? – спрашиваю я, хватая свою поясную сумку, в которой лежит немного денег. В карман, закрепленный на ремне, я прячу нож.

– Он слышит и видит больше многих из нас. Он знает почти каждого в Венеции. Поэтому, если кто-то и знает что-либо об этом, так это он. Мне кажется, это очень серьезно.

– Ну, ладно, – сдаюсь я. – Если ты на этом настаиваешь…

Я не могу отрицать того, что чувствую себя куда лучше, когда хожу по городу не одна. Три года назад Братство впервые заявило о себе, и с тех пор горожане задаются вопросом: кто состоит в этой организации? Члены банды внезапно появляются где-то в ночи, нападают на сторонников ангелов или членов совета, похищают их родственников или грабят дома, а потом требуют выкуп. Большинство чиновников, подчинившихся ангелам, заставляют городскую стражу охранять их дома. Раньше мне казалось правильным, что кто-то встал на сторону сопротивления. Наконец-то кто-то решил выступить против несправедливой власти ангелов и против притеснения людей. Но чем больше невинных жертв погибало в этой войне, тем сильнее я сомневалась в правильности подобной позиции. Сколько человеческих жизней требует эта война? Можно ли вообще их считать? Братство, конечно, смотрит на это с прагматической точки зрения. Члены организации постоянно пытаются переманить жителей Венеции на свою сторону с помощью листовок. Большинство людей, правда, довольны уже и тем, что что-то вроде мира снова пришло в наш город. Никто больше не хочет сражаться. Против ангелов у нас так или иначе нет никаких шансов.

* * *

Многие люди торопятся, чтобы оказаться дома до сумерек. Они быстро забегают в магазины, покупают там необходимые товары. С тех пор как вапоретто, речные трамваи, перестали работать, горожанам стало сложнее добираться до дома. Лучше просто оставаться в своем районе. Этим летом у нас есть все, что только можно пожелать: овощи, фрукты, свежее молоко и рыба. Нужно только заработать на них. В зимние месяцы дела обстоят хуже. До недавнего времени мы были отрезаны от остального мира, и никаких товаров к нам не поступало. Надеюсь, этой зимой будет проще. Нам в любом случае будет легче, ведь мы с Алессио останемся одни. Мой живот урчит при мысли об этом. Я еще ни дня в жизни не прожила без брата и сестры.

Алессио покупает мне в маленьком кафе на углу стаканчик апельсинового сока, и мы опираемся на перила, пока вода узкого канала тихо плещется под нами. Дверь дома напротив открыта, и три ступеньки ведут в лениво текущую воду. Маленький мальчик играет с мячом в коридоре. Я почти представила себе, что все как раньше: я после школы оставалась на улице, и мы вместе с друзьями наблюдали за туристами. Очень приятно проводить время наедине с Алессио. Нам нечасто выдается такая возможность. Каждый из нас вынужден постоянно лавировать между своими обязанностями.

– Не злись на Тициана. – Алессио прерывает молчание. – Он так же беспокоится, как и ты.

– Ты говорил с ним? – спрашиваю я, чувствуя укол в груди. Мой брат доверяет Алессио больше, чем мне, потому что он терпеливее.

– Нет. Но он мальчик, и я знаю, что происходит в его голове. Прекрати его ругать. Ему двенадцать, и он слишком взрослый, чтобы постоянно его контролировать. Скоро ты отправишь его прочь из города, и ему придется разбираться с этим самому.

Я знаю, что Алессио прав, ведь я и правда веду себя как курица-наседка. Я просто хочу спрятать Тициана так же, как и сестру, но для этого мне пришлось бы заковать его в цепи.

– Я знаю, да. Иногда мне кажется, что он все еще не понимает, насколько опасна наша жизнь, и хочу навязать ему свою волю. Правда, вчера он догадался, что я переживала, когда поздно вернулся домой.

Алессио дружески толкает меня:

– В вашей семье все такие упрямые! Ты ведь знаешь это, правда?

Я пожимаю плечами, потому что не могу этого отрицать. Меня сложно назвать самой разумной гражданкой этого города.

– Я боюсь, что стражи однажды поймают его, если он что-то украдет или ввяжется в какую-нибудь историю.

Лицо Алессио вдруг становится серьезным:

– Я не могу сказать, что сам не волнуюсь об этом. Но если ты будешь все ему запрещать, то только спровоцируешь. Он захочет самоутвердиться. Если ты передашь ему какую-то долю своих обязанностей и часть своей опеки над Стар, он будет из кожи вон лезть, чтобы оправдать твои надежды.

– Ты читал какую-то книгу советов для воспитателей? – спрашиваю я.

Алессио закатывает глаза.

– Эй! Мне было пятнадцать, когда твой отец принял меня в семью, и, если ты помнишь, я был тогда куда более упрямым, чем Тициан. Твой отец доверил мне свои книги, и это было, после его семьи, самое дорогое, чем он обладал. Я делал все, чтобы не разочаровать его.

Алессио никогда в своей жизни не был упрямым, ни единого дня. Но, вероятно, он в чем-то прав. Мне надо поразмыслить об этом. Тем временем мы подходим к больнице. Она располагается в незаметном переулке рядом с мостом Риальто. Фасад из желто-серого песчаника выглядит непримечательным, никто и не догадывается, что здесь на полдома больница. Раньше в здании находился шикарный отель, во дворе которого красовался маленький садик с фонтаном. Мы со Стар обожали смотреть на золотых рыбок, которые в нем плавали. Сегодня у

входа в больницу толпится столько людей, что мы с трудом проходим внутрь. Алессио непрестанно извиняется, продвигаясь вперед.

Люди знают его и позволяют нам пройти. Ужасно видеть все эти печальные лица. Больные зачастую должны стоять снаружи по нескольку часов, ожидая помощи. Запах, нависший над площадью, еще хуже их стонов и криков. Я закрываю нос рукавом, проклиная ангелов, разрушивших столько больниц. Если бы в городе было больше врачей и поликлиник, ситуация стала бы менее напряженной. Когда мы наконец заходим внутрь, я вздыхаю. Здесь прохладно и тихо, но все еще пахнет смертью. Я не понимаю, как Алессио выдерживает все это каждый день, но, кажется, он вполне с этим справляется.

Юноша дружелюбно приветствует людей, протиснувшихся сюда, но остается с ними, чтобы узнать о состоянии одного из больных и погладить по голове какого-то ребенка. Альберта, которая здесь работает вахтершей, ассистенткой Пьетро и в то же время тайной управляющей больницы, приветствует нас. Она стоит у входа и охраняет его, как Цербер врата ада. Она внимательно смотрит на меня, прежде чем обнять.

– Тебе нужно побольше есть, ребенок.

Кто бы говорил! Сама худая, как спичка. Думаю, она отдает свою еду больным. У Альберты самое доброе сердце во всей Венеции. После исчезновения матери она каждый день приходила в библиотеку, чтобы утешить Тициана и приготовить что-нибудь для нас. Я чувствовала себя такой одинокой и брошенной. Я не знаю, что бы с нами стало, если бы не эта женщина. Она придала мне смелости и убедила в том, что я и без матери смогу позаботиться о брате и сестре.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Национальная библиотека св. Марка (Marciana) – крупнейшая библиотека Венеции. Ее собрание насчитывает около 13 000 рукописей, 2883 первопечатные книги и 24 055 книг XVI в.

2

Собор Святого Марка, или собор Сан-Марко (итал. Basilica di San Marco) – кафедральный собор Венеции. Располагается на площади Святого Марка, рядом с Дворцом дожей.

3

В иудаизме Габриэль один из четырех архангелов (Габриэль, Михаэль, Уриэль и Рафаэль), стоящих по четырем сторонам престола Бога и исполняющих обязанности стражей на четырех концах мира. Он играет роль ангела смерти.

4

Дворец дожей (итал. Palazzo Ducale) в Венеции – одна из главных достопримечательностей города. Это главное здание Венеции было прежде всего резиденцией дожей республики. Во дворце заседали Большой совет и Сенат, работал Верховный суд и вершила свои дела тайная полиция. На первом этаже размещались также конторы юристов, канцелярия, службы цензоров и морское ведомство.

5

Гранд-канал – главная водная транспортная артерия города.

6

Енохианский язык – это язык, созданный алхимиком и астрологом Джоном Ди и медиумом, мистиком и алхимиком Эдвардом Келли для магических целей в ходе спиритических сеансов в конце XVI в. в Англии. Назван в честь библейского патриарха Еноха, который, по преданиям, «ходил с Богом». Ди и Келли заявляли, что языку научили их Ангелы, что он древне?е, чем санскрит, и что он обладает огромной магической силой, способной колебать пространство-время. Ими же было создано 19 енохианских ключей – гимнов сатанинской веры, записанных на этом языке.

7

Альмандин – твердая и самая распространенная разновидность красных или красно-фиолетовых гранатов. Цвет альмандинов может быть вишневым, малиновым, фиолетовым и буро-красным.

8

Совет десяти (итал. Consiglio dei Dieci) – орган Венецианской республики, основанный указом Большого совета в июне 1310 г. после заговора Кверини – Тьеполо против дожа Градениго. В функции Совета десяти, первоначально созданного как временный, входил надзор за сосланными заговорщиками. Совет десяти занимался только охраной политической и социальной структуры венецианской Коммуны.

9

Чикетти (итал. cicchetto) – традиционная итальянская закуска – маленькие, как канапе, бутерброды, с большим количеством вариаций: венецианское пюре из трески бакалла, итальянская ветчина прошутто, сыры и прочее.

10

Венецианские прокурации – три здания на площади Сан-Марко, построенные в XII в. и предназначенные для размещения рабочих кабинетов и личных апартаментов прокуроров. Прокураторы Венеции и служащие были самыми влиятельными после дожа людьми.

11

Палаццо (итал. palazzo, от лат. palatium – дворец) – тип городского итальянского дворца-особняка.

12

Имеется в виду средневековый каббалистический гримуар, изначально написанный на древнееврейском и арамейском языках, известный также как «Книга ангела Разиэля», рукописи XIII в. Книга представляет собой компиляцию эзотерических писаний, собранных, вероятно, одним и тем же компилятором, но являющихся изначально работами не одного, а многих авторов.

13

Енохианская система – структура так называемой ангельской магии Ди и Келли. Енохианская магия основана на вызывании с помощью молитвы и управлении различными духами. Дневники Ди содержат «енохианский алфавит» и таблицы соответствий с ним. В этих же дневниках утверждается, что переданное «учение» содержит тайны апокрифической Книги Еноха.

14

Театр «Ла Фениче» (итал. Teatro La Fenice, букв. «Феникс») – оперный театр, открывшийся в Венеции 16 мая 1792 г. В названии отражено то обстоятельство, что театр дважды поднимался, как феникс, из пепла – первый раз после пожара 1774 г. и второй после судебных баталий. Вновь горел в 1837 и 1996 гг., но каждый раз восстанавливался.

15

«Травиата» (итал. La traviata – «падшая», «заблудшая», от глагола traviare – сбивать (ся) с пути) – опера Дж. Верди на либретто Франческо Мария Пьяве по мотивам романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями» (1848), поставленная в театре «Ла Фениче» в 2003 г.

16

Сан-Поло (итал. San Polo) – один из шести исторических районов Венеции. Расположен в центре, между районами Сан-Марко и Санта-Кроче.

17

Муранское (венецианское) стекло – стекло, изготовленное по старинным технологиям, возникшим на острове Мурано близ Венеции.

18

Герцогиня Амалия Евгения Елизавета Баварская (1837–1898) – баварская принцесса, супруга императора Франца Иосифа I. Императрица Австрии с 1854 г., королева-консорт Венгрии с 1867 г. Известна под уменьшительно-ласкательным именем Сиси, которым ее называли родные и друзья.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vul-f_mara/vozvraschenie-angelov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить